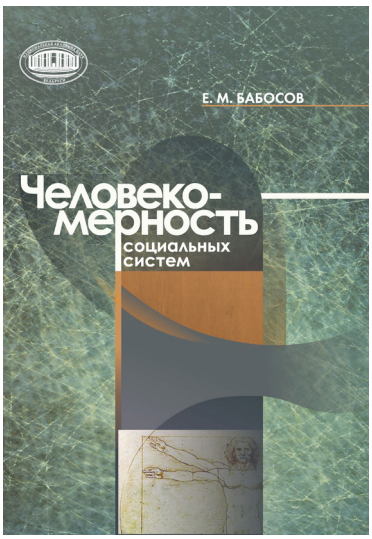
Е. М. БАБОСОВ
Человеко-
мерность
социальных
систем

Евгений Бабосов

Человекомерность социальных систем

«Издательский дом “Белорусская наука”»
2015

УДК 316.3
ББК 60.55

Бабосов Е. М.

Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

В книге раскрываются сущность, принципы и способы осуществления парадигмы человекомерности в различных социальных системах. Подчеркивается, что исходным началом социодинамики всех разнокачественных и разномасштабных социальных систем служит уникальная система личности, ее идентификация в различных социально-системных феноменах. Фокусируется внимание на примате человекомерности в системах образования, науки, культуры, в демографической, политической, экономической, управленческой, информационно-коммуникативной, инновационной, религиозной и духовно-нравственной системах. Книга предназначена для научных работников и преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется этой темой.

УДК 316.3
ББК 60.55

© Бабосов Е. М., 2015
© Издательский дом “Белорусская наука”, 2015

Содержание

К читателю 6
Предисловие 8
Глава 1. В личности, как в капле росы, отражаются социальные системы 10
Глава 2. Человекоразмерные контуры идентификационной социальной системы 37
Глава 3. Альтруизм – специфический способ реализации человекомерности социального бытия 50
Глава 4. Человекоориентированность ценностно-нормативной системы личности и общества 57
Глава 5. Человекорождающая и человековозвышающая сущность демографической системы 69
Глава 6. Человекотворческий потенциал системы образования 80
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Евгений Бабосов
Человекомерность социальных систем

Рецензенты:
член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор В. Ф. Медведев,
член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Л. Ф. Евменов

© Бабосов Е. М., 2015
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

К читателю

Человек, рождающий огонь разума…

Природа, мир, окружающая среда заметно истощаются… или изменяются к худшему. А человек… Что же происходит с человеком? Он не может остаться неизменным… Некоторые философы уже приговорили его… и готовы к завершению истории… замене человека на некие управляемые существа с искусственным интеллектом… Как точен А. А. Зиновьев: «Все эти кибернетические существа, какими бы они ни были, не заменят главного – того, что рождает человек – *огонь разума.* Это чудо никто не может заменить»[1].

Все перемены последнего столетия были направлены против человека доброго, гуманного, нравственного. Мировые войны, революции, кризисы только умножали неравенство, несправедливость, человеческое горе, расчеловечивали человека, истощали его духовные силы, веру в добро и справедливость. Мир подошел к роковой черте, за которой – людская алчность, безнравственность и небытие. Но ведь человек жив, и пока он жив огонь разума не погасить… Это чудо, которое рождать дано только человеку, никто не может у него отнять или воссоздать в некой искусственной форме. И в этом человек действительно бессмертен…

Что есть человек сегодня, сохраняет ли он в своем бессмертии присущее ему уникальное качество рождения именно нравственного здорового разума, почему он так беспомощен в борьбе с глобальными вызовами современности, бессилен перед злом, насилием, несправедливостью. Жизнь человека так прекрасна сама по себе и так… коротка. Кажется, что в ней просто нет и не может быть места чему-то плохому. Где же таятся эти ядовитые семена распада, которые преследуют нас всю земную жизнь, и все же настигают и поражают человеческое существо…

Новая книга Е. М. Бабосова «Человекомерность социальных систем», конечно, не в состоянии расколдовать весь многогранный и необыкновенно сложный мир современного человека, но она порождает надежду, что мир в основе своей человеколюбивый и человекомерный. Это когда следует «соизмерять любую вещь, любое явление, любую социальную систему с надеждами, радостями, печалями человека, с его мечтами о лучшем будущем, с его стремлением к счастью». Ключевое слово здесь – счастье. Именно в нем автор видит и нашу надежду.

Книга получилась веховая не потому, что ее выход совпал с надвигающимся юбилеем автора, просто до Е. М. Бабосова так о вечной проблеме человека давно не писали. Слишком долго у нас было не принято так откровенно и открыто говорить о человеке-духовном, его душевных терзаниях, нравственных переживаниях, поисках веры. Как долго догматизм и политическая конъюнктура правили бал в гуманитарном знании, определяли ответы на самые сложные вопросы человеческого бытия. Евгений Михайлович возвращает нас к осмыслению социальных систем через призму человекомерности, раскрывая ее глубинные смыслы, социальное бытие, альтруизм, образование, культуру, религию, коммуникацию.

Ученый Е. М. Бабосов – очевидец и участник многих исторических событий XX и начала XXI ст. Он оптимист по натуре, видит мир через призму добра, и это только умножает силу его мысли, возвеличивает представленную в книге аргументацию на фоне глобальных проблем, которые решать – новому человеку, благородному в своем служении добру и свету. Скрупулезно исследуя потенциал и динамику развития, целенаправленность действий чело-

[1] Зиновьев А. А. «Я мечтаю о новом человеке» // Российские вести, 22–29 марта 2006 г.

века в различных социальных системах, автор рисует впечатляющую панораму изменяющегося нового мира, где достойное место занимает и суверенная Республика Беларусь.

В личности Е. М. Бабосова и его судьбе, как «в капле росы» отражаются все перипетии времени, поэтому его новая книга несет мощный заряд глубинного понимания смысла человеческой жизни, где добро обязательно побеждает зло, а жизнь человека бессмертна потому, что только человек рождает *огонь разума.* Человек, зажигающий *огонь разума,* в ответе за будущее человечества – доброе и гуманное, в чем убежден и на чем настаивает автор в своей новой монографии, которая станет хорошим подарком для почитателей таланта Евгения Михайловича Бабосова.

Александр Данилов, член-корреспондент НАН Беларуси

Предисловие

Хорошо известно, что человек вышел из дочеловеческого животного состояния и стал человеком под воздействием трех, тесно связанных друг с другом в своем синергетическом взаимодействии факторов – труда, разума и культуры. Именно благодаря непрестанному действию и развитию этих социальных факторов он стал творцом истории, духовных, материальных и культурных ценностей и самого себя, сознательно и целенаправленно действующим субъектом социальных процессов. Эти три фактора в своем диалектическом взаимодействии создают основу для формирования наиболее известных и широко признанных атрибутивных определений человека. Первое из них – homo faber – означает целостное природно-социальное существо, формирующееся в процессе труда, существо активно действующее, производящее все жизненные блага. Второе – homo sapiens – характеризует человека как существо разумное, мыслящее, рассуждающее. Третье – homo symbolius – определяет человека как существо символосозидающее, творящее все богатство культуры и ее смыслов, начиная со слышимого, произносимого и понимаемого слова и оканчивая высшими воплощениями творческого человеческого духа в художественной литературе, музыке, театре и других формах постижения смысла бытия, его теоретического и практического освоения и преобразования. Всматриваясь в социальное зеркало культуры, человек стремится стать интереснее, честнее, благороднее, мужественнее, конструируя и формируя тем самым свои лучшие качества и свойства. Все эти три фактора, интегрированные в единую человекотворящую сущность, приводят к пониманию человека как homo socialis, существа социального, производящего базирующиеся на природном материале, но в своей качественной определенности и сущности, надприродные социальные явления и процессы. В то время как поведение животного связано с окружающей действительностью и направляется инстинктами, деятельность человека, складываясь под влиянием окружающей среды, отнюдь не целиком определяется ею, а является свободной, вследствие чего человеческий индивид становится *личностью,* способной к сознательным, целенаправленным, планомерным действиям и творческим достижениям – homo creator.

Возникающий в результате взаимопереплетения и взаимоусиления названных определений пятимерный социальный континуум формирует человека *как меру всех вещей,* человека, примеряющего к себе и своим интересам, потребностям, стремлениям и целям окружающий его многогранный мир вещей, существующих вне его, но воспринимаемых, оцениваемых, преобразуемых им в своем труде по законам разума и красоты. Более высокий уровень развития по сравнению с его животными, неразумными, бессознательными и не осуществляющими труда предками приводит к тому, что по мере неуклонного усиления подлинно человеческих качеств в себе самом человек свойственную только ему меру всех вещей прикладывает ко всем создаваемым и развиваемым им социальным системам, а это актуализирует исследование особенностей социальных систем, в которых он живет, развивается и действует.

Такое именно видение человека – самого уникального существа в мире – составляет основу того теоретико-методологического каркаса, в рамках которого автор данной монографии исследует и истолковывает многогранный феномен человекомерности различных социальных систем. Вполне естественно и логично в этой книге рассмотрение человекомерности социальных систем начинается с личности, с выяснения ее многомерности как основной сущностной особенности. Автор исходит из того, что личность является весьма специфической уникальной социальной системой потому, что какую бы социальную систему мы ни рассматривали – экономическую, политическую, социокультурную, семейно-бытовую и т. п. – в ней на передний план в том или ином контексте всегда выступает проблема лично-

сти в ее экономических, политических, социокультурных взаимодействиях с другими личностями, с их социальными группами, общностями и обществом в целом. С каждым новым человеком, который приходит в мир, в социальную реальность, входит нечто новое, уникальное, неповторимое, а в своих конкретных проявлениях и действиях личность индивидуальна по способу своего существования и социальна по своей сути.

В органической взаимосвязи с таким истолкованием в последующих разделах монографии характеризуются человекомерные контуры динамичной социальной идентификации человека, в многообразии ее воплощений – этническая идентичность, групповая идентичность, культурная идентичность, политическая идентичность, изменяющаяся, смещающаяся в современном мире идентичность и т. д.

В таком же теоретико-методологическом ключе автор анализирует и интерпретирует человекопорождающую и человекомерную сущность демографической системы, социодинамику ее развития в современной Беларуси. В органическом взаимодействии с этим рассматриваются в книге особенности человекомерности белорусской системы образования и здравоохранения. Обстоятельно характеризуются человекомерная и человековозвышающая сущность многогранной системы культуры. Автор, много лет работающий в Национальной академии наук, сначала в Институте философии, затем в Институте социологии, не мог оставить вне поля зрения и аналитических суждений об особенностях человекомерности и человекоориентированности системы науки, чему посвящен в книге специальный раздел. Одна из самых примечательных особенностей научной деятельности, направленной на генерирование нового знания, заключается в ее творческом, инновационном по своему существу характере. Инновация в процессе своего формирования, развития и практического применения изменяет не только окружающий мир, но и самого созидающего ее человека. Вследствие этого она по самому своему существу человекомерна. Поэтому в данной книге, в специальном ее разделе во взаимосвязи с наукой анализируется человекомерный и человекосозидающий характер инновационной системы, опять-таки применительно к выяснению особенностей ее развертывания в Беларуси. В тесной взаимосвязи с развитием образования, науки и культуры автор характеризует богоцентрическую, человеконаправляющую сущность религиозной системы, ее изменяемость в современном обществе и роль в духовном единстве белорусского народа.

На основе теоретического обобщения и осмысления эмпирического социологического и статистического материала, отражающего своеобразие социально-экономического и политического развития Беларуси в первом двадцатилетии XXI века и в перспективе до 2030 года раскрываются особенности человекомерности белорусской экономической и политической систем. В этом же контексте характеризуется человекоформирующая направленность существующей и функционирующей в нашей стране системы управления, с приоритетной в ней значимостью государственного управления.

Завершается книга главой, в которой выявляется и характеризуется человекоформирующая и человековозвышающая миссия системы нравственности в нашем современном обществе.

В результате последовательного применения системного подхода к исследованию динамического развития и целенаправленного действия человека в различных социальных системах автор (как он надеется), выстраивает многогранную, панорамную картину человекомерности и человековозвышающей сущности социальных систем, наличествующих и функционирующих в современном, нелинейном, зачастую непредсказуемом, изменяющемся мире, в том числе и в Республике Беларусь. Удалось ли это сделать автору, оценивать читателю, на суд которого выносится данная книга.

Глава 1. В личности, как в капле росы, отражаются социальные системы

В условиях углубляющейся глобализации и информатизации современного мира многие философы, социологи, политологи гораздо охотнее оперируют понятиями «народ», «нация», «человечество», чем понятием «личность». А ведь, в сущности говоря, и народ, и нация, и человечество слагается из отдельных, непохожих друг на друга личностей. И как здесь не вспомнить знаменитое высказывание Ф. М. Достоевского «народ не может быть без личности»[2]. В его понимании нет ничего страшнее для народа, чем отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности[3]. Ведь каждая личность в своих стремлениях, желаниях, поступках тысячами незримых, а порой и зримых нитей, связана с окружающими социальными группами, общностями, со своим народом уникальным, неповторимым взаимодействием микро– и макрообстоятельств своей жизнедеятельности. Поэтому без личностей народа нет, равно как нет и человечества. А важнейшая задача науки, образования, культуры, всей системы воспитания – последовательно искоренять всяческую обезличенность. И здесь нельзя не согласиться со словами замечательного русского поэта, нашего современника Евгения Евтушенко: «Каждый новый человек в человечестве обладает своими единственными тайнами бытия; и каждому человеку есть что сказать впервые»[4].

Важно, чтобы человеку было что и о чем сказать людям. А сказать так, чтобы задевало в ответ звучащие струны человеческой души, способна только интересная личность – будь то писатель, физик, инженер, строитель, учитель или крестьянин. Каждый человек способен стать и развивать себя как творческая личность. Если человеком рождаются, то личностью становятся. Поэтому *личность* является весьма специфической, уникальной социальной системой в огромном множестве разномасштабных и разнокачественных систем.

Почему уникальной? Да потому, что какую бы социальную систему мы ни рассматривали – экономическую, политическую, правовую, социокультурную, семейно-бытовую и т. п. – в ней на передний план так или иначе, в том или ином конкретном контексте, выступает проблема личности в ее экономических, политических, социокультурных взаимодействиях с другими личностями, с их общностями, группами и обществом в целом. Такая особенность рассматриваемой проблемы проистекает из того, что в исследовании *любой* социальной системы возникает необходимость учета, оценки и понимания сущности ее исходного начала, т. е. свойств, качеств, способностей и действий определенного человека, детерминирующих в своих конкретных проявлениях сущность и своеобразие его социальных качеств, в их системной связи и взаимообусловленности, образующих системную целостность особой качественной определенности – личность. Личность в своей, характерной только для нее, своеобразной жизнедеятельности предстает как социально-типическое выражение и индивидуальное воплощение определенной системы общественных отношений и одновременно как конкретно действующий, индивидуально проявляющийся субъект этих отношений и социальной деятельности. Поэтому вполне можно согласиться с высказанным известным российским психологом В. Д. Шадриковым суждением, согласно которому «личность социальна по своей сущности и индивидуальна по способу своего существования»[5]. Вследствие этого интересная личность является своеобразной кристаллизацией индивидуальных

---

[2] Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год / Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 24. С. 86.

[3] Там же. С. 186.

[4] Евтушенко Е. А. Завтрашний ветер. М.: Правда, 1987. С. 40.

[5] Шадриков В. Д. Некоторые методологические вопросы психологии индивидуальности // Мир психологии. 2011. № 1 (65). С. 10.

свойств и качеств определенного человека и общественно необходимых поступков, выполняемых индивидом в его взаимодействии с другими индивидами и их общностями.

Иногда встречаются утверждения, согласно которым личностью является не каждый человек, а только тот, кто обладает самостоятельностью мысли, небанальностью чувств, силой воли, собранностью, ответственностью. Такое ограничение, возможно, и правильно с точки зрения психологической, воспитательной, но с точки зрения социологии, личностью становится любой человек, а не только выдающийся, чем-то выделяющийся из других, потому что все люди включены в общественные отношения. Понятие «личность» как раз и выражает, как и в какой степени в каждом человеке индивидуально окрашиваются и проявляются его социальные качества, формируемые во взаимодействии с социальным окружением.

С учетом сказанного можно дать определение исследуемого феномена:

Личность – это относительно устойчивая и целостная система социальных качеств, характеризующих данного индивида, приобретаемых и развиваемых им в процессе взаимодействия с другими людьми и являющихся продуктом общественного развития.

Личность предстает в общественной жизни как уникальный носитель сознания и самосознания, субъект межличностных отношений и социальных взаимодействий. Она существует в определенном человеческом теле, а потому обладает определенными биологическими предпосылками, без которых она сформироваться не может (нельзя, например, представить себе личность в отсутствии мозга). Однако определяется она в конечном счете не физиологией тела и не структурой мозга, а системой социальных взаимодействий человека с другим человеком посредством создаваемых для людей и используемых людьми предметов его деятельности, будь то хлеб, одежда, книги, музыка или танцы.

Важнейшей характерной особенностью личности является ее *самость,* т. е. свойство человека быть самим собой в различных, в том числе и непредвиденных, неблагоприятных жизненных обстоятельствах. Самость в характеристике личности, в ее становлении, развитии и действии выполняет принципиально важную дифференцирующую роль в качестве ее способности выделять себя из социального окружения, а поэтому выстраивать жизненную траекторию своего самодвижения, самоизменения, саморазвития, самоактуализации во взаимодействии данного человека с другими людьми. Поэтому она выступает как внутренняя сущность человека, содержащая в себе как индивидуальные, так и общевидовые, общечеловеческие черты.

Одновременно самость представляет собой мощное *интегративное* начало, соединяя в качественно своеобразную синтезированную целостность все природные, психические, социальные личностные свойства человека, весь его внутренний мир. В этом интегративном синтезе объединяются и опыт личности, и ее стремления, и ее цели, задачи, проекты, предпочтения. Вместе с тем самость личности выступает как система интеракции, межличностного взаимодействия с другими людьми, создающей возможность и способность человека понимать, оценивать, а когда требуется, то и выполнять роль другого, но одновременно представлять, как его воспринимают другие люди. В этом интерактивном процессе, как считал основатель символического интеракционизма Дж. Г. Мид, важнейшее значение приобретает обобщенный другой. «Именно в форме обобщенного другого, – подчеркивал он, – социальный процесс влияет на вовлеченных в него и поддерживающих его индивидов, т. е. сообщество осуществляет контроль над поведением своих индивидуальных членов, ибо как раз в этой форме социальный процесс (сообщество) проникает в качестве определяющего фактора в мышление индивидов. В абстрактном мышлении индивид принимает установку обобщенного другого по отношению к себе безотносительно к ее выражению в любых других конкретных индивидах; в конкретном же мышлении он принимает эту установку постольку, поскольку она выражается в установках по отношению к его поведению тех других индиви-

дов, вместе с которыми он включен в данную социальную ситуацию или данное социальное действие, только принимая установку другого по отношению к себе тем или иным способом, индивид и может мыслить»[6].

Следует иметь в виду, что самость выступает в качестве основания самосознания человека, его самоконтроля, саморазвития, самоактуализации, самореализации. Именно она выполняет человекосозидающую роль в конструировании человеком собственных целей, программ, проектов, а также в формировании путей и этапов практического достижения поставленных целей и задач. Тем самым она, наряду со способностями, возможностями и активными целенаправленными действиями, открывает человеку социальное пространство для реализации своих индивидуально-личностных способностей и возможностей завоевания достойного места в сообществе других людей. Наконец, необходимо принимать во внимание, что самость, самобытность и уникальность личности формируется и реализуется только в условиях ее коммуникативных взаимодействий с другими индивидами и их общностями. Коммуникативные взаимодействия – взаимопонимания – взаимоподдержки приводят к достижению определенных, социально значимых целей только тогда, когда существует сотрудничество или противоборство личности и социальной общности с другими индивидами и общностями. В этом процессе самость осуществляет важную коммуникативно-регулирующую и контролирующую роль (рис. 1.1).

[6] Мид Дж. Г. Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 227–228.

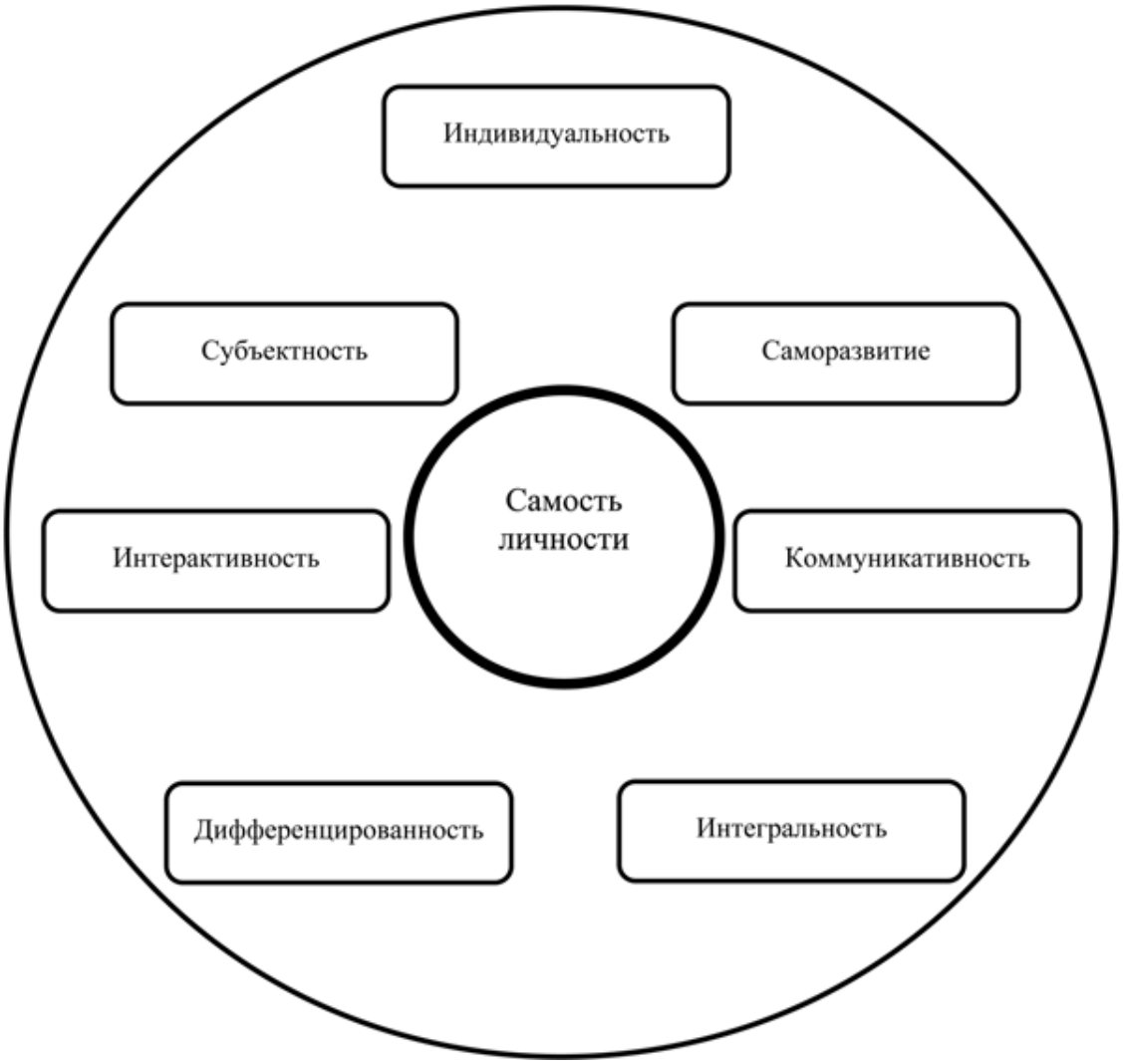

Рис. 1.1. Структурная архитектоника самости личности

Пожалуй, в мировой философской и социологической литературе не найдешь крупного мыслителя, который придал бы столь возвышенное и возвышающее значение личности человека, как это совершил в своих трудах и выступлениях выдающийся русский философ Н. А. Бердяев. В своей персоналистской философской доктрине, в произведениях «Философия свободы» и «Смысл творчества» он утверждал, что человек создан, чтобы творить и создавать заново себя и весь мир по законам свободы. Творчество, неизбежно приводящее к свободе, по его непреклонному убеждению, «это – путь повышения в ранге самого человека, путь абсолютизации человека, признание его верховным центром вселенной, образом и подобием Абсолютного Бытия, малым космосом, включающим в себя все»[7].

В многообразной, преобразующей мир и самого себя человеческой деятельности, считает Н. А. Бердяев, решающая творческая роль принадлежит сознанию. «Само сознание человека как центра мира, в себе таящего разгадку мира и возвышающегося над всеми вещами мира – есть предпосылка всякой философии, без которой нельзя дерзать философствовать»[8].

Выдающийся философ, пройдя потрясения российских революций и вынужденной эмиграции на знаменитом «философском пароходе», воочию многократно поражался двой-

[7] Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 288.

[8] Там же. С. 294.

ственности человека, в котором сосуществуют в диалектическом единстве «облик царственный и облик рабский, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединяющее в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным»[9].

Н. А. Бердяев был убежден и стремился убедить других в том, что эту двойственность необходимо преодолевать. Он считал, что совместными усилиями философии, науки, просвещения, культуры, человек ценой многих мучений и разочарований, поражений и побед, должен, в конечном итоге, понять, что его внеприродная сущность, преодолевающая природную необходимость, таится в удивительно космическом творческом могуществе, дающемуся ему «не только от необходимости, но и от свободы, не только от природы, но и от Бога», только тогда он осмыслит, что присущее ему творчество есть переход небытия в бытие, через акт свободы; он осознает в полной мере, что центр космоса – это человек, всечеловек, носитель абсолютной человечности… что человек превышает все явления природного мира и являет собой верховный центр бытия»[10].

Солидаризирующийся с Н. А. Бердяевым в основных философско-мировоззренческих позициях, но перемещая акцент на социальную сферу, выдающийся российско-американский социолог П. А. Сорокин всесторонне обосновал положение о том, что личность формируется, развивается и действует в системе совершенно определенных социальных координат. Но поскольку каждый индивид принадлежит не к одной, а к целому ряду различных социальных общностей (семейных, профессиональных, имущественных, политических, социокультурных и т. п.) одновременно, постольку своеобразная для каждой личности конфигурация таких общностей предопределяет многообразие конкретных проявлений личностного «Я» в различных социальных обстоятельствах и в различных социальных ролях, выполняемых ею. Поэтому, писал он, «наше Я» мозаично и плюралистично. Оно похоже на фацеточный глаз, составленный из множества различных «Я», объединенных в пределах одного организма как физического носителя этих «Я»[11].

При всей кажущейся парадоксальности данного утверждения, считал П. А. Сорокин, оно является истинным, поскольку все люди в различных жизненных ситуациях изменяются. Он показывал это на примере жизнедеятельности Р. М. Робеспьера, главы якобинцев во время Великой французской революции. Он проявляется в домашней обстановке, в своей скромной квартире, как чувствительный, сердобольный человек, плачущий над сентиментальными романами Б. Сен-Пьера, но на заседаниях «Комитета общественного спасения» он выступает как совершенно другой человек, безжалостно требующий гильотины для жирондистов Дантона, Эбера и Делу. Аналогичные проявления плюралистичности личностного «Я» может заметить любой человек, если он внимательно присмотрится к своим знакомым, их повседневному поведению в собственной семье, где каждый из них проявляется в качестве любящего и доброго сына или брата, но выступает в совершенно ином облике в служебной обстановке, где он действует в качестве профессионала – требовательного и жесткого губернатора, директора, профессора, доктора и т. д. Поэтому то, что мы считаем нашим единым «Я», при ближайшем анализе оказывается «мозаичным Я», составленным из различных кусочков ряда различных «Я», сменяющих друг друга и часто антоганизирующих между собой[12].

Такая двойственность, а еще чаще множественность «Я» одного и того же человека, мозаичность его личности обязаны тому, согласно П. А. Сорокину, что современный чело-

---

[9] Там же. С. 296.

[10] Там же. С. 297–299.

[11] Сорокин П. А. Положение личности в системе социальных координат // Система социологии. М.: Астрель, 2008. Т. II, Ч. II, Гл. 6. С. 823.

[12] Там же.

век является абонентом не одного общества, а многих групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Каждая группа дает императив поведения своим членам. Каждая из них сознательно или бессознательно определенным образом деформирует психику индивида, видоизменяет его интересы, желания, стремления, убеждения, верования и чувства. Поэтому «душа» каждого индивида, – убежден он, – маленький микрокосм, точно воспроизводящий тот социальный макрокосм – социальную группировку, среди которой он живет и с отдельными группами которого он связан… Множество актов, совершаемых нами ежедневно, представляют выполнение функций, требуемых от нас нашей семьей…, нашим государством…, нашей профессией…, нашей партией…, нашей церковью». И отсюда делается следующий вывод: «как только меняется место индивида в системе социальных координат, неизбежно изменяется и его поведение»[13].

Развивая вслед за П. А. Сорокиным многоаспектную социологическую теорию личности, его последователь, выдающийся американский социолог Толкотт Парсонс вносит в эту теорию несколько важных нововведений. По его убеждению выстраивать хорошо обоснованную и доказательную концепцию личности необходимо начинать с того, чтобы за точку отсчета принимать «физически конкретное лицо», взятое в его автономии по отношению и к социальной системе, и к религиозному учению, и к системе культуры. Сама же автономия личности трактуется в качестве многомерной сущности, имеющей целый ряд конкретных проявлений. Такими проявлениями выступают и выбор личностью определенной цели своего действия, и девиантное поведение, и открытость для творчества, где автономия личности выражается особенно ярко.

Однако автономия личности, считал Парсонс, не должна пониматься в плоскостном изображении. Здесь действует именно многомерность, многосложность. Стержневым же компонентом данной многомерности как конкретной воплощаемости аналитически вычленяемой независимости личности и социальной системы друг от друга является взаимопроникновение автономии и взаимозависимости, которое «служит теоретическим базисом для фундаментального и общего феномена автономии индивида, насколько дело касается (автономии от) социальной системы».

Для подтверждения тезиса о реальности личностной автономии Парсонс приводит два соображения. Первое из них состоит в том, что «если рассматривать личностную систему аналитически и отдельно от ее прямой связи с социальной системой, она есть «место встречи» культурной системы, поведенческого организма (в первичном смысле) и физического мира (в смысле вторичном)». А это означает, что автономия личности не может и не должна рассматриваться вне связи с жизнедеятельностью индивида как специфического живого существа, а также вне связи его с окружающей внешней средой и системой культуры, в пределах которой осуществляется его социализация. «Следовательно, – утверждает Парсонс, – можно говорить не только о том, что личность автономна как отдельная подсистема действия. Но и о том, что эта автономия существенным образом укоренена во взаимообменах личности с культурным и органическим уровнями организации действия. Эти три группы доводов (плюс уникальность генетической конституции практически каждого человеческого организма) в достаточной мере объясняют нередуцируемость своеобразия всех человеческих личностей, а также их автономии[14].

В сложной многосторонней взаимосвязи социальных систем, в рамках которых происходят все процессы жизнедеятельности индивидов и их социальных общностей, личность не может быть автономной в единственном отношении – в отношении к социальному дей-

---

[13] Там же. С. 826–827, 832.

[14] Парсонс Т. Социальные системы (статья из международной энциклопедии социальных наук) // Личность, культура, общество. 2003. Вып. 1–2 (15–16). С. 196.

ствию актора. В таком понимании личность предстает как «организованная система единичных действий, объединенных их общей принадлежностью к одному и тому же актору»[15].

Этот постулат составляет базисную матрицу парсоновского «субстантивного волюнтаризма», коренным образом отличающегося от формального волюнтаризма позитивистского толка. Один из наиболее влиятельных представителей современного парсонсиализма Дж. Александер, в частности, утверждает: «Если формальный волюнтаризм обращается к универсальному свойству всего действия, абстрагированного от времени и пространства… то субстантивный волюнтаризм обращается к прямо противоположному – к тому, в какой степени в определенных исторических и социальных условиях возможно осуществление индивидуальной свободы»[16].

В парсоновской субстантивной теории личности свобода индивида рассматривается в качестве «естественной», т. е. изначально присущей любому индивидуальному действию актора. При этом она реализуется не только как внутреннее условие индивидуального развития и действия конкретного актора, но и как воплощение зависимости (относительной) его от внешних природных и/или социальных обстоятельств.

Субстантивная концепция свободы личности, развиваемая Парсонсом, исходит их того, что формирование и реализация личностной свободы осуществляется в пространственно-временных координатах двух сопряженных и взаимно проникающих друг в друга систем – системы социального действия и социальной системы. Стержневым параметром сопрягательного взаимодействия двух этих систем является интрасоциальная функция системы личности, реализующаяся в достижении цели, на что направлена свойственная этой личности свобода воли. Именно волевые усилия индивида, складывающиеся, развивающиеся и воплощающиеся в конкретные действия в совершенно определенной социальной ситуации, проявляются в его мотивационной структуре и в его поведении, детерминируемом его мотивационными установками. Что же касается личной автономии как воплощения индивидуальной свободы в определенной ситуации, то она, согласно данной концепции, может быть достигнута только тогда, когда социальные институты, ассоциируемые с различными сферами общества, каковыми являются его функциональные подсистемы: экономика, политика, интеграция, адаптация, сохранение институционализированных культурных моделей, дифференцируются друг от друга. Сама же такая дифференциация, структурно оформленная, зависит от усовершенствований в экономической, политической и нормативной сферах. Следовательно, она должна быть исследована и интерпретирована в категориальной сети функциональной теории изменений. Автономия личности, с точки зрения функционирования теории изменений означает, что личность одновременно включена и в систему социальных действий и в социальную систему.

В системе социального действия, утверждает Парсонс, личность воспринимается не как отдельный деятель, а как система действий. Личностная система, в его понимании, предстает как: а) система взаимосвязанных действий индивидуального их исполнителя; б) система действий исполнителя, которая организована в определенную структуру посредством стремления к удовлетворению потребностей; в) система действий одного исполнителя, имеющая детерминированную организацию по согласованию и интеграции с действиями других акторов; г) организация элементов действия зависит прежде всего от отношения действующего лица к ситуации, в которой происходит действие; д) действующее лицо развивает систему ожиданий, относящихся к различным объектам ситуации; е) различные элементы (объекты) ситуации несут для действующей личности специальные значения в каче-

[15] Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 292.

[16] Alexander J. Formal and substantive Voluntarism in Work of Talcott Parsons: A Theoretical and Ideological Reinterpretation // American Sociological Review. Vol. 43. NY, 1978. P. 177–198.

стве знаков или символов, важных для организации системы ожиданий данного индивида, следовательно, воспринимаются через призму «культуры, которая для носителей ее – действующих лиц – становится частью систем их действия»[17].

Обобщая в единой интегрированной абстрактной схеме все охарактеризованные элементы системы действия личности, Парсонс делает такой вывод: «личность, следовательно, есть тот аспект живого индивида как «актора», который должен пониматься в терминах культурного и социального содержания усвоенных упорядочений (patternings), образующих его поведенческую систему»[18].

Если же рассматривать личность с точки зрения ее включенности в социальную систему, то в таком случае, считает Парсонс, «нормальный актор – это в значительной степени «интегрированная личность»[19]. Данное понятие означает, что «такой актор существует не в одиночестве, а более или менее интегрирован с другими действующими лицами данной социальной системы»[20]. А это предполагает, что социальная система и личность, которые рассматриваются как абстрактно определенные системы, аналитически разграничиваемые, должны в их реальном функционировании изучаться в контексте существующего между ними решающего отношения взаимопроникновения. По утверждению Парсонса, единицей взаимопроникновения между личностью и социальной системой является не индивид, а роль или комплекс ролей. Одна и та же личность может участвовать в нескольких социальных системах в разных ролях.

Важнейшим каналом такого взаимопроникновения является социализация, в процессе которой формирующаяся личность интериализует все новые роли и их многообразие. Процесс интериализации личностью тех или иных ролей в решающей степени зависит от того, какие санкции и вознаграждения осуществляет социальное сообщество за выполнение личностью определенной социальной роли. Позитивными выходами из социальной системы в действия личности становятся вознаграждения, поэтому, считает Парсонс, «все вознаграждения являются социально-системными выходами». Что же касается действий личности в определенной системе, то выходами из личности в социальную систему являются личные целедостижения, которые с точки зрения получающей их социальной системы вносят вклад в ее функционирование, в той мере, в какой эти две системы интегрированы друг с другом[21].

Средоточием такой интеграции Парсонс считал феномен «идентификации», посредством которого личность обретает мотивационно и когнитивно значимый набор ролей, а социальная система получает члена, который может вносить в нее значимые вклады. Недостаток интеграции (malintegration) означает, что это отношение соответствия так или иначе не установилось. В эту категорию попадают «девиантность», «отчуждение» и множество других феноменов. Также принципиально важно допустить креативность действий личности по отношению к социальной системе[22].

Выполняемые личностью социальные роли неразрывно связаны с тем, чего могут ожидать другие люди от данного индивида. Поэтому в любом обществе существуют институциональные определения роли, т. е. того, что данные личности должны делать в определенных условиях и взаимоотношениях. Поэтому каждый индивид, как правило, обладает определенным набором таких ролей, а комбинация этих ролей варьируется в зависимости от социального типа той или иной личности.

---

[17] Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 77.

[18] Парсонс Т. Социальные системы (статья из международной энциклопедии социальных наук) // Личность, культура, общество. 2003. Вып. 1–2 (15–16). С. 171.

[19] Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 358.

[20] Там же. С. 359.

[21] Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 195.

[22] Там же. С. 195–196.

Регулирование социальной системой осуществления индивидами определенных ролей происходит через дифференцирование всех видов ее воздействия на личность путем расчленения ролей на допустимые, желательные, поощряемые, непоощряемые, осуждаемые и даже запрещаемые. В качестве социального механизма такой дифференциации выступает существующая в обществе институциональная структура прав, полномочий и запретов.

Для обозначения многообразия выполняемых личностью социальных ролей Парсонс вводит в понятийную систему социологии новую, сконструированную им категорию ролевой плюрализм и утверждает, что в этой категории эксплицирована фундаментальная черта всех человеческих обществ. Фундаментальная значимость данной категории предопределяется тем обстоятельством, что «ввиду существования ролевого плюрализма возникает особо сложная проблема статуса индивидов в стратификационной системе»[23]. Функционирование ролевого плюрализма осуществляется, согласно Парсонсу, в таких больших коллективных системах, членство в которых определяет социальный статус, каковыми являются родовые коллективы, этнические группы, сословия, социальные классы.

Именно наличие в социальной системе ролевого плюрализма, в пределах которого осуществляется деятельность индивидов, создает предпосылки для действия важного социального механизма ролевой дифференциации – ранжирования личностей и осуществляемых ими ролей, каковым является социальная стратификация. «Любая социальная система обладает институциональной шкалой стратификации, посредством которой ранжируются индивиды»[24].

Отмечая важную роль стратификации в ранжировании индивидов и в развитии социальной системы, Парсонс, тем не менее, подчеркивает, что «именно роли, а не личности являются единицами социальной структуры». Но поскольку каждая социальная система сложно структурирована, главным образом посредством дифференциации различных ролей и статусов, постольку, утверждал гарвардский социолог, именно «выделение роли актора из всей системы его личности делает возможным анализ сочленения личности с социальными системами»[25]. Осуществив теоретическую экспликацию процессов взаимопроникновения системы личности с социальной системой и системой социального действия, Парсонс в своей концепции субстантивного волюнтаризма переходит к анализу еще одного важного аспекта формирования и развития личности. Этот аспект представляет собой процесс включения личности в систему культуры. «Роли институционализированы, если они полностью согласуются с установленными культурными образцами и организованы вокруг ожидания того, что актор будет конформен по отношению к морально санкционированным эталонам ценностной ориентации, признаваемым членами общности, в которой функционирует роль. Придавая большую значимость культуре в детерминации действий акторов в развитии социальной системы, Парсонс подчеркивал, что «без культуры невозможны ни человеческие личности, ни человеческие социальные системы»[26].

Постулат о взаимопроникновении системы личности с социальной системой и системой культуры открывает перед Парсонсом перспективу истолкования личности как своеобразной «системы ориентаций». Субъект действия – актор – в состоянии выделить из окружающей среды ряд интересующих его объектов и классифицировать их по определенным свойствам, что составляет содержание и смысл «когнитивной ориентации». Но осуществляя познавательную (когнитивную) ориентацию, личность не ограничивается получением знаний о тех или иных объектах и их свойствах, а выделяет из окружающей среды те объекты

[23] Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 27.

[24] Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. С. 337.

[25] Там же. С. 448.

[26] Там же. С. 437.

и их сущностные характеристики, которые имеют для нее положительное или отрицательное значение с точки зрения удовлетворения либо неудовлетворения потребностей. Такое выделение и стремление к обладанию теми объектами, которые доставляют удовлетворение или открывают возможности удовлетворения потребностей, составляют содержание «катектической ориентации». В результате осуществления двух охарактеризованных операций познания и предпочтительного выделения определенных объектов окружающей действительности личность производит отбор и сравнительную оценку познавательно и катектически оцененных объектов и их свойств с точки зрения первоочередности удовлетворения определенных потребностей, т. е. осуществляет «оценочную ориентацию».

Наряду с тремя этими ориентационными трендами поведения и действия личности в социальных системах Парсонс выделяет и характеризует более обширный по своему диапазону тип «мотивационной ориентации акторов, включающий катектическую, когнитивную и оценочную ориентации»[27].

В сложноструктурированной системе ориентационной деятельности личности он обращает приоритетное внимание на теоретический анализ ценностных ориентаций. Обосновывая такое предпочтение, он пишет: «эталоны ценностной ориентации имеют особенно важное значение в организации систем действия, поскольку один из классов этих эталонов определяет образцы взаимных прав и обязанностей, на основании которых формируются ролевые ожидания и санкции. (Другие классы ценностной ориентации определяют стандарты когнитивных и оценочных суждений)».

Важную конструктивную значимость ценностных ориентаций Парсонс усматривал в том, что именно ценностные ориентации в процессе их осуществления приводят к «взаимной интеграции личности, социальной системы и культуры»[28]. Сквозь призму такой интеграции он приходит к выделению и осмыслению роли еще одного типа ориентации – культурных. Более того, он считает необходимым разрабатывать «классификацию культурных ориентаций как систем идей или верований, систем экспрессивных символов и систем ценностных ориентаций. В таком случае каждый тип культурных эталонов можно рассматривать как решение некоторого типа ориентационных проблем, системы идей – это решения когнитивных проблем, системы экспрессивных символов – решения проблем, касающихся того, каким образом «уместно» выражать чувства, и, наконец, системы ценностных ориентаций – решения проблем оценивания, преимущественно, хотя и не исключительно, в социальном взаимодействии.

В крупномасштабной по своему диапазону культурной ориентации, осуществляемой личностью, Парсонс придает первостепенную значимость моральному поступку, который, в его понимании, «есть реализация культурной ценности в социальной ситуации, включающей взаимодействие с другими субъектами»[29]. В осуществлении культурной ориентации, по его убеждению, наряду с моральными ценностями существенную роль выполняют также эстетические, познавательные, в том числе научные, и религиозные ценности.

Осуществленный Парсонсом поворот теоретического анализа личностной системы в ее взаимодействии с системой культуры именно в таком ракурсе выявления значимости культурной ориентации позволяет ему представить более масштабное, обогащенное новыми компонентами понимание личности как специфической системы. Оно таково: личностная система – это главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных

[27] Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. С. 445.

[28] Там же. С. 453.

[29] Там же. С. 29.

принципов и предписаний. На уровне вознаграждения, в смысле мотивации, главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности[30].

Интерпретируемая в таком именно варианте личностная система – целеустремленно действующий актор – своими активными действиями, взаимосвязанными с действиями других субъектов исторического процесса, как считает Парсонс, созидает и социальную систему и систему культуры, создавая тем самым предпосылки для взаимопроникновения системы личности, системы культуры и социальной системы. Главным же субъектом этого интеграционного процесса является личность, из которой исходят все социальные новации, создающие в своих взаимопереплетениях такое единство, в котором ни одна из охарактеризованных систем не может существовать и развиваться без взаимопроникновения с каждой из двух других.

Разумеется, данная теоретическая схема должна быть представлена не в плоскостном, а в объемном сферическом варианте, наподобие глобуса или шара, и тогда станет ясно, что при значительном изменении социальной ситуации, или той системы социальных координат, в которых действует личность, в центре личностной структуры может оказаться тот или иной из мозаичных компонентов ее «Я» – например семейный, профессиональный или политический.

А это значит, что в процессе взаимодействия индивида с социальной средой формируются и развиваются основные социальные качества, составляющие главное содержание его личности.

Что же такое *социальные качества личности*? Это совокупность социально-психологических свойств и черт личности, определенным образом взаимосвязанных и обусловленных типом социального взаимодействия с другими людьми в конкретных социально-исторических условиях и обстоятельствах. Такие качества обнаруживаются не в процессе самочувствия или самонаблюдения, а только во взаимодействиях с другими людьми, в определенных социальных обстоятельствах, в конкретных поступках, делах, оценках, т. е. в деятельности и продуктах этой деятельности. Кто не знает Платона, Цезаря, Ньютона, Микеланджело, Бетховена, Чайковского, Льва Толстого или мать Терезу? Это – выдающиеся личности разных эпох и разных видов деятельности. Но стали они выдающимися прежде всего в силу их удивительных социальных качеств, которые обнаружились именно в их титанической творческой деятельности, в огромном эффекте результата этой деятельности.

Но всемирно признанный результат деятельности этих и других выдающихся личностей несет на себе неустранимую печать их индивидуальности. Разве мог кто-нибудь, кроме Микеланджело, создать знаменитую «Пиету» или роспись плафона Сикстинской капеллы в Соборе Св. Петра в Риме? А кто, кроме Л. Толстого, мог написать «Войну и Мир»? Кто, кроме Чайковского создать музыку к балету «Лебединое озеро»? Только индивидуальность помогает подлинному творцу нового в искусстве, науке, политике, спорте ломать устаревшие штампы, преодолевать стереотипы мышления и действия, сковывающие инициативу и энергию людей.

Но любая личность, в том числе и самая выдающаяся, способна создать нечто своеобразное, оригинальное, новое только в органической связанности с другими людьми. Разве можно представить Пушкина без его читателей, Чайковского без слушателей и зрителей его симфоний, опер и балетов, а мать Терезу без тех тысяч обездоленных, которым она помогала? Неповторимость, уникальность подлинной личности заключается именно в том, что она по-своему открывает нечто новое для людей, лучше и полнее других воплощает в своих делах ожидания, надежды и стремления этих людей, открывая для них то, чего они еще не

[30] Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 16.

знают, что они еще не прочувствовали, к чему они еще не были готовы вчера, но станут благодаря ее действиям и их результатам готовы сегодня или завтра.

Первым из таких качеств является *самосознание.* Оно представляет собой выделение индивидом самого себя из окружающей социальной среды, чувствование себя субъектом своих физических и психических состояний, социальных ожиданий, стремлений и действий. Это означает осознание самого себя как «Я», противостоящего «другим» и вместе с тем неразрывно связанного с ними. Самосознание выражается в том, что личность воспринимает и понимает тождественность самой себе в прошедшем, настоящем и будущем, а чем органичнее связаны между собой эти три модуса бытия личности, тем социально более развитой, богатой и более интересной для других становится данная личность.

Самосознание в процессах идентификации личности присутствует и реализуется в форме осознания и отнесения акта сознания к своему «Я», которое известный американский социолог и психолог К. Роджерс назвал «динамической сущностью личности», имеющей «самое значительное влияние на поведение». Самосознание выступает в единстве трех компонентов: познания самого себя, эмоционально-оценочного отношения к себе и саморегулирования. К. Роджерс вместе со своими учениками установил, что степень самосознания личности является самым лучшим основанием для прогноза ее поведения в определенных ситуациях. Это обусловлено тем, что с самосознанием теснейшим образом связано самоуважение, степень схожести между тем «Я», какой Я есть теперь, и тем «Я», каким бы хотел быть.

Отсюда К. Роджерс делает вывод, согласно которому личность является не «застывшей сущностью», а непрерывно развивающимся «процессом становления»[31]. Именно становление и развитие личности составляет стратегию разработанного и активно пропагандируемого этим представителем гуманистической психологии человекоцентрированного подхода в психотерапии, который ведет к процессу самоисследования и самораскрытия клиента и в конечном итоге – к конструктивным изменениям в его личности и поведении[32].

Только что изложенные суждения дают основания для вывода, согласно которому *самосознание* как исходное социальное качество личности тысячами нитей связано с целым веером других социальных качеств, а именно, *самооценкой* личности, *саморегуляцией* ею своего поведения, с ее *самоактуализацией, самоконтролем, самовоспитанием, самоутверждением.* Все эти качества в сконструированной А. Маслоу мотивационной иерархии потребностей личности находят свое воплощение в *самореализации* личности, т. е. в продуктивной реализации ею своих целей, задач, потребностей, способностей, жизненной стратегии[33].

Но все названные социальные качества личности получают свое формирование, развитие и реализацию только в активной созидательной деятельности человека. Поэтому очень существенным социальным качеством личности является ее *активность,* т. е. способность человека самостоятельно и энергично производить социально значимые действия, проявляющиеся в общении с другими, в совместных (или отдельно от них совершаемых) делах, в творчестве. Самое концентрированное воплощение активность получает в так называемой сверхнормативности т. е. в совершении деятельности, которая не является строго обязательной по существующим в обществе или группе (общности) нормам, но вытекает из понимания личностью своего долга, призвания и т. п. Выдающимся проявлением сверх-

---

[31] Роджерс К. А. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1998. С. 169.

[32] Роджерс К. А. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии //Вопросы психологии. 2012. С. 70–72.

[33] Маслоу, А. Мотивация и личность. М., 1998. С. 50.

нормативности является титанический четырехлетний труд выдающегося художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи над портретом знаменитой Джоконды.

Важной социальной характеристикой личности являются ее *интересы.* Они выступают в качестве постоянного побудительного механизма познания и деятельности личности, подталкивающего личность к более глубокому ознакомлению с новыми фактами, событиями, теориями в какой-либо сфере действительности, к преобразованию последней в соответствии со своими потребностями, целями, представлениями. Человек чаще всего с охотой занимается тем, что его интересует, и старается уходить от того, что не входит в круг его интересов.

Одно из существенных социальных качеств личности составляет *направленность.* Она представляет собой совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности, независимо от социальных ситуаций, в которых она находится. Поступки человека как субъекта социальной деятельности всегда направлены на достижение вполне определенной цели. Если эта цель имеет принципиально важный для личности характер, она предопределяет ее активность в конкретном направлении даже в тех случаях, когда социальная ситуация мешает достижению данной цели, вследствие чего приходится изменять ситуацию и преодолевать препятствия. Именно в таких ситуациях и проявляются характерные особенности направленности личности.

Направленность личности теснейшим образом связана с ее убеждениями и установками. *Убеждения* представляют собой личностные социально-психологические потребности, в основе которых лежат определенные представления, идеи, принципы, существенно определяющие отношение человека к действительности и побуждающие его поступать в соответствии со своими идеалами, принципами, взглядами, мировоззрением. Различаются нравственные, научные, религиозные и иные убеждения. Когда хотят охарактеризовать какого-либо человека, нередко говорят: «Он убежденный холостяк» или «Главное для него – его религиозные убеждения».

Установка – это такая социальная характеристика личности, которая выражает ее готовность к социальной активности и действиям в определенной сфере деятельности, направленным на достижение поставленной цели. Например, установка Александра Македонского и Наполеона состояла в совершении завоевательных походов, на такой ориентации деятельности были сконцентрированы основные устремления и энергетический потенциал их личностей.

Установка и направленность личности воплощаются в ее ценностных ориентациях. *Ценностная ориентация* – это совокупность социальных ценностей, выступающих в качестве целей жизни и основных средств их достижения и поэтому приобретающих функцию регуляторов социального поведения человека. В ценностных ориентациях находит выражение предрасположенность личности к определенному восприятию условий жизни и деятельности, а также к определенному поведению в долгосрочной перспективе. Поэтому они выполняют роль опорных пунктов в принятии личностью важных решений. Различают *целевые* ценностные ориентации, выражающие важнейшие цели, идеалы, смысложизненные ориентиры (счастье, здоровье, личная свобода, творчество и др.), и *инструментальные,* запечатлевающие одобряемые в обществе или социальной группе средства достижения целей (профессиональная подготовка, самообразование, удача и т. п.).

Еще одним чрезвычайно важным социальным качеством личности является ее идентичность. *Идентичность* – это такое социальное качество, которое является результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми, социальной общностью или идеалом путем избирательного и внутренне согласованного движения потоков информации о нем самом как единстве личностного и одновременно социального, взаимодействующего с другими личностями и общностями. Идентичность выступает

в качестве проявления и результата идентификаций – процесса отождествления личностью самой себя с определенной этнической, политической, территориальной, языковой, религиозной и т. п. группой (я – белорус, я – студент, я – минчанин, я – православный и др.). Идентичность определяется внутренними свойствами как самой личности, так и ее социальным окружением т. е. внешними влияниями.

С идентификацией личности органично взаимосвязано такое важное социальное качество личности, которое выступает как *личностный статус.* Это – соотносительное положение (позиция), занимаемое личностью в обществе в соответствии с профессией, социально-экономическим положением, политическими возможностями, полом, происхождением, семейным положением. Понятие личностного статуса характеризует место индивида в социальной структуре общества, в системе общественных взаимодействий, в ее деятельности в различных сферах жизни и, наконец, оценку деятельности личности со стороны общества. Последняя может выражаться в различных качественных и количественных показателях – авторитет, престиж, привилегии, уровень доходов, зарплата, премия, награда, звание, слава и т. д. Р. Мертон ввел в социологию понятие «статусный набор», который представляет собой всю совокупность статусов, характеризующих данную личность, в многообразии ее взаимодействий с другими личностями с точки зрения выполнения своих прав и обязанностей. В этой совокупности чаще всего выделяют главный личностный статус, наиболее характерный для данного индивида: Александр Македонский – полководец, А. Пушкин – поэт, П. Чайковский – композитор, В. Быков – писатель, А. Медведь – борец и т. п. В зависимости от того, занимает человек определенную статусную позицию, благодаря наследуемым признакам (пол, раса, национальность) или благодаря собственным усилиям, различаются два вида личностного статуса: предписанный (мужчина, белорус и др.) и достигаемый (президент, мэр, профессор, чемпион мира и т. п.). Личностный статус не является неизменным, может изменяться с течением времени, причем иногда весьма существенно, воплощая в себе движение индивида вниз или вверх по социально-стратификационной лестнице. Личностный статус органически связан с выполнением индивидом *социальных ролей,* каждая из которых представляет собой динамическую сторону социального статуса.

Личностный статус обычно проявляется в различных социальных ролях, осуществляемых человеком. Социальная роль как социальное качество личности представляет собой динамическую сторону социального статуса и выражается в устоявшихся определенных жизненных обстоятельствах, способах поведения личности. Она проявляется как социоонтологическая функция действий личности, которая, с одной стороны, соответствует тем или иным нормам, правилам, модусам поведения, существующим в обществе или ее конкретной социальной общности, группе, а с другой, – зависит от потребностей, интересов, целей, от когнитивно-креативных процессов самой личности, которая стремится действовать в соответствии с предъявляемыми ей социальным окружением ожиданиями и представлениями других индивидов и их общностей. Личность, как правило, реализует в своем поведении не одну, а несколько, иногда множество социальных ролей, которые в определенных ситуациях составляют ее *ролевой набор.*

Социальные статусы и роли в конкретных условиях жизнедеятельности личности складываются в систему ее диспозиций. *Диспозиция личности* представляет собой основной социально-психологический механизм саморегуляции личности, и проявляется как предрасположенность к определенному восприятию условий жизнедеятельности и поведению. Система диспозиций личности функционирует как целостный, сложно организованный и иерархически сформированный механизм, который является продуктом предшествующего опыта. Она включает в себя два уровня: высшие диспозиции личности: концепция жизни, ценностные ориентации, общая направленность личности, обобщенные социальные установки; низшие диспозиции, включающие в себя ситуативные социальные установки, дик-

тующие поведение индивида в данных конкретных условиях, в данной предметной и социальной среде, что обеспечивает адаптацию личности к меняющимся условиям деятельности при сохранении устойчивости высших ее диспозиций.

Личностная диспозиция чаще всего оказывается органично взаимодействующей с *мотивацией.* Это социальное качество личности представляет собой относительно стабильную систему внутренних стимулов, вызывающих активность человека и побуждающих его к деятельности, направленной к достижению определенных целей. Она выражает собой совокупность факторов, вызывающих активность человека и определяющих направленность его поведения и деятельности. Согласно современным воззрениям, мотивация представляет собой процесс формирования и реализации мотивов деятельности, обусловленных потребностями и целями личности, ее интересами, убеждениями, условиями деятельности, особенностями отношений и взаимодействий с окружающими людьми, ситуацией, в которой происходит такое взаимодействие и т. п. Мотив – это сложный социально-психологический феномен, побуждающий человека к сознательным, активным действиям и поступкам и служащий для них причиной (основанием). Мотивация подразделяется на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мотивация связана не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием деятельности, направленной на достижение цели и решение определенной задачи. Внешняя мотивация не определяется содержанием деятельности, а обусловлена внешними по отношению к нему факторами (например, заработной платой).

Большую роль в жизнедеятельности человека выполняет *коммуникативная когерентность* личности. Дело в том, что практически все индивидуальные и межличностные, межгрупповые действия человека осуществляются в условиях его корреляционных отношений и взаимодействий с другими людьми и их группами. Такие взаимодействия сознательно ориентированы на определенное восприятие и интерпретирование их другими индивидами и поэтому их следует называть коммуникативными действиями. Коммуникативная когерентность личности состоит в достижении социально значимых целей индивидом и/или социальной группой в процессе их взаимодействия.

Среди совокупности социальных качеств личности важное человекотворческое значение имеет *совесть.* Это социальное качество проявляется как способность личности в процессе и результате критического оценивания своих поступков и желаний осознавать и переживать несоответствие принятым данным человеком собственным принципам и установкам, переживать чувство неисполненного долга. В своем реальном проявлении совесть выступает как интегративный результат предшествующего нравственного развития личности и выступает свидетельством приобщения человека к высшим ценностям, как внутренний голос его моральности, побуждающий его «поступать по совести».

Одним из ведущих качеств, характеризующих развитую, творческую личность, является *целеустремленность,* направленная на совершение активных действий по достижению важного для человека и общества результата. Она интерпретируется в контексте достижимости конкретных целей и решения вытекающих из этих целей задач. Целеустремленность выступает внутренним личностным мотивом креативно-созидательной деятельности человека, направленной на достижение желаемого. Вместе с тем она представляет собой творческий акт, в котором личность реализует свободу своего сознания и действия, но этот выбор обусловлен не только внутренними интересами, побуждениями, стремлениями, мотивами человека, но и теми объективными обстоятельствами, в которых он действует.

К социальным качествам высшего ранга, проявляющимся в жизнедеятельности человека, относится *гражданственность.* Эта категория означает наличие в сознании и поведении чувств и моральных качеств, воплощенных в способности и готовности человека выполнять функции гражданина, заботящегося о благе своего Отечества. Она предполагает активную и целенаправленную включенность личности в политическую жизнь общества

в качестве сознательного свободного и полноправного ее участника. Гражданственность органически взаимосвязана с патриотизмом. Но если объектом активной приверженности к общественной деятельности индивида, воплощающего в своих поступках гражданственность, является государство, то объектом его деятельности как патриота выступает Родина, Отчизна.

К столь же высокому рангу социальных качеств личности относится *патриотизм.* Он воплощается в любви к Родине, в глубокой преданности своему Отечеству, своему народу, к родной земле. Патриотизм также включает в себя привязанность и любовь к месту своего рождения – «мой родны кут, як ты мне мілы» (Я. Колас), постоянного проживания, родному языку, культуре, обычаям и традициям. В связи с 70-летием Победы в Великой отечественной войне нельзя не вспомнить сотни романов и повестей, тысячи стихотворений и песен, десятки музыкальных произведений и кинофильмов, тысячи памятников, увековечивающих патриотические подвиги советских людей всех национальностей – русских, белорусов, украинцев и др. – в борьбе с фашистскими захватчиками. Подлинный патриотизм чаще всего сочетается с признанием важной роли общечеловеческих ценностей, с непримиримым отношением к различного рода националистическим предрассудкам. Он воплощается в активной созидательной деятельности на благо своего народа, за его лучшее будущее и социальный прогресс.

Все охарактеризованные социальные качества личности взаимосвязаны друг с другом, усиливают друг друга (мы в данном случае не рассматриваем отрицательные качества – эгоизм, трусость, предательство и т. п.). Невидимым, но реально существующим стержнем всех позитивный социальных качеств личности является социально-психологическая ось гражданственность-патриотизм, которые связывают, интегрируют эти качества в единую целостную и динамично развивающуюся социальную систему, которую можно визуально представить в виде рис. 1.2.

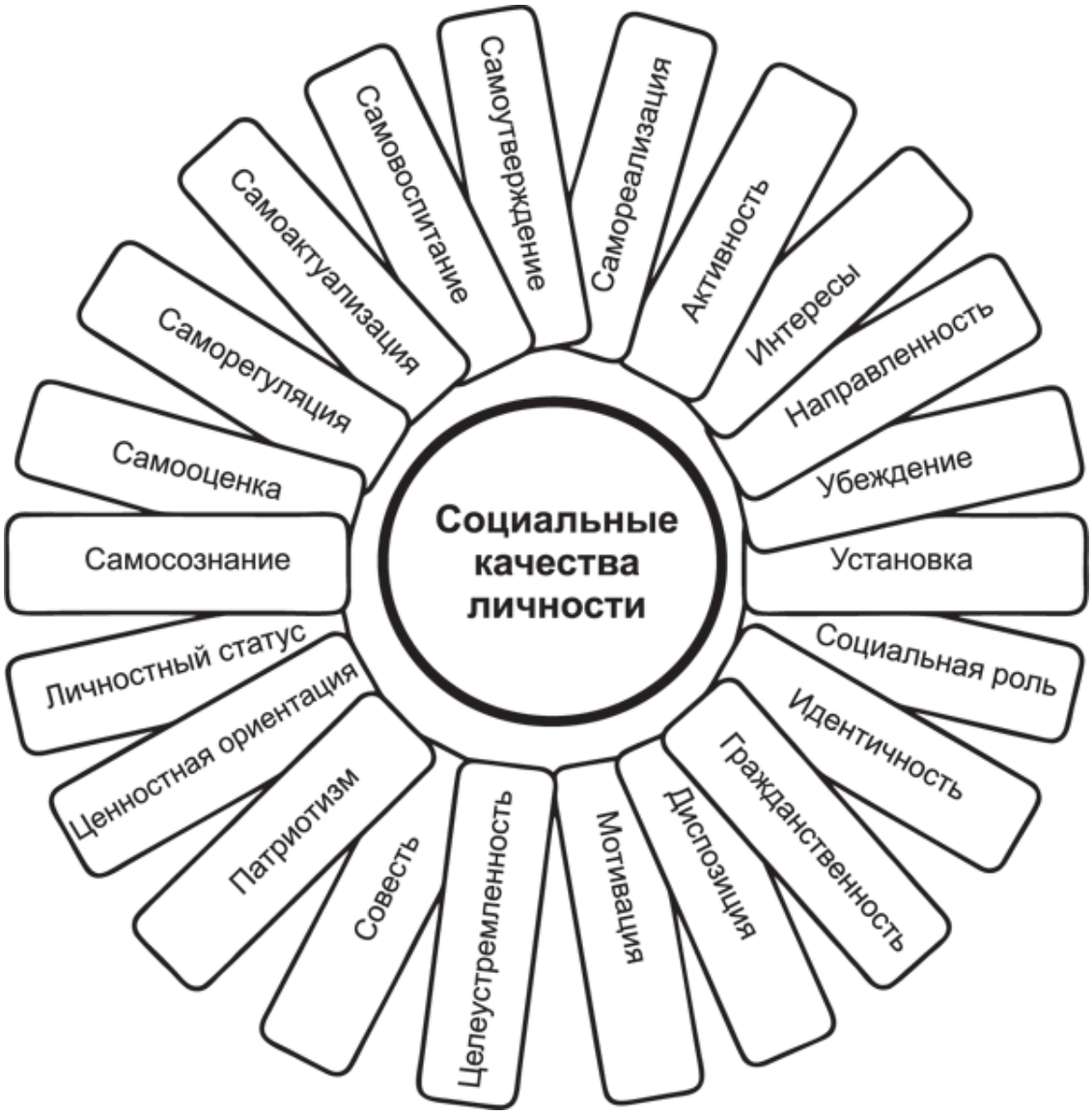

Рис. 1.2. Система социальных качеств личности

Структурная матрица социальных качеств личности оказывается тесно связанной с функционально-динамическими ее компонентами, проявляющимися в ее повседневных поступках и действиях. Эту многомерную, многоаспектную картину действия личности в тех или иных обстоятельствах в различных социальных системах можно представить в панорамной теоретической концепции, которая базируется на нескольких взаимосвязанных принципах.

Наиболее важные из них таковы:

принцип целостности, позволяющий рассматривать и интерпретировать человека во всем богатстве его взаимосвязанных сущностных определений;

принцип эмерджентности, требующий исследовать человека как такую целостность, которую нельзя вывести из свойств отдельных частей и которая является продуктом взаимодействий, а не суммой различных частей;

принцип открытости, характеризующий человека как открытую саморазвивающуюся систему, непрестанно взаимодействующую с окружающей природной и социальной средой;

принцип концептуализации, позволяющий рассматривать объект конкретной исследовательской задачи с помощью специально подобранных абстракций, определений и понятий;

принцип концептуальной развертки, предполагающий отображение изучаемого объекта в различных мыслительных плоскостях и нахождение для него множества интервалов абстракции;

принцип концептуальной сборки, – обладающий возможностью представить и выразить исследуемый объект – человека – в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и взаимопереходов между различными определениями, образующими единую сложно иерархизированную конфигурацию его личности;

принцип многомерности, раскрывающий способность человека видеть дополняющие друг друга тенденции в казалось бы прямо противоположных явлениях и процессах и создавать единое целое из расходящихся траекторий развития;

принцип трансформационности, отражающий происходящий в процессе развития и саморазвития человека опыт его индивидуализации, продуктивной личностной трансформации, осознания себя как уникального целостного субъекта и обретения индивидуального смысла жизни в органической взаимосвязи и нерушимой общности с окружающим природным и социальным миром;

принцип целеустремленности, дающий возможность исследовать человека как самонастраивающуюся и целенаправленную действующую систему, способную производить не только неизменный результат различными способами в неизменной среде, но и разные, в том числе ранее казавшимися невозможными новые результаты, причем как в неизменной, так и в изменяющейся окружающей среде, т. е. осуществлять креативное разрешение возникающих жизненных проблем в различных сферах деятельности.

Диалектически взаимосвязанное системное применение этих методологических принципов позволяет социальной философии, социологии и психологии свести противоречивое множество определений в целостное единство, в истинный синтез, представляющий не агрегат разнокачественных аналитических определений, а новое гармоничное образование, позволяющее выразить многомерную сущность человека в его всеобъемлющей социальности. Только такой синтез позволяет понять, почему человеческая созидательная деятельность необходимо развертывается по нелинейному, поливероятностному тренду все возрастающей и усложняющейся социальной общности. Где пространство и время налагают пределы на результаты и одновременно открывают новые, все более обширные горизонты созидательного творчества в познавательной и практической деятельности человека и человечества, в которой в XXI веке возрастную значимость приобретает обеспечение государством и гражданским обществом достоинства личности и прав человека.

Достоинство как интегральное, высоко ценимое личностью и ее социальным окружением положительное качество включает в себя множество дифференцирующих граней. Эта множественность рельефно воплощается в большом и многокрасочном русском языке. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать несколько разграниченных аспектов, производных от первоосновы «достоин». К их числу относятся: достоблаженный (т. е. достойно блаженный), достоверный (вполне верный, несомненный, истинный), достодивный (достойный удивления), достодолжный (следующий определенному человеку по его заслугам), достижение (высокий результат научной, хозяйственной, спортивной и т. п. деятельности), достижимость (способность достичь высокого результата, поставленной цели), достойный (заслуживающий уважения, высоких похвал и наград), достопамятный (замечательный, достойный сохранения в памяти), достопочтенный (уважаемый, высокопочтенный), достопримечательный (заслуживающий особого внимания), достояние (принадлежность по праву какой-нибудь собственности материальных и духовных успехов, полученных достижений),

завоевание достоинства (общественное признание, присуждение премии, почетных званий и др.), утрата достоинства (потеря доверия, лишение премии, почетного звания, занимаемой должности и т. п.).

Из многообразной совокупности представленных аналитических определений можно концептуально сформулировать несколько интегративных определений. Выделим из них четыре наиболее широкоупотребляемых и значимых.

1. Достоинство как целостная система положительных качеств личности.

2. Достоинство как осознание личностью своей нравственно-духовной ценности и ее уважение как самой этой личностью, так и окружающими ее людьми.

3. Достоинство как самоопределение и самоуважение больших социальных общностей – достоинство народа, достоинство нации – и больших профессиональных групп – достоинство учителя, профессора, достоинство офицера, инженера и т. п. 4. Достоинство как стоимость, ценность (денежных знаков, ценных бумаг). Охарактеризованное многообразие качественных определений достоинства можно визуально представить таким образом, как это отражено на рис. 1.3.

Рис. 1.3. Многообразие качественных определений достоинства личности

Системообразующим ядром охарактеризованных проявлений достоинства (пожалуй, кроме последнего – ценных бумаг, облигаций, банкнот и др.) является достоинство личности. Если принять во внимание разнообразие реальных проявлений этой положительной качественной характеристики индивида, то становится понятным, что достоинство личности выступает не только как социальная, но и как нравственная категория, которая, с одной стороны, органично сопрягается со свободой и правами человека, а с другой – с его социальной ответственностью.

Исходным пунктом философского и конституционно-правого истолкования сущности и роли достоинства личности в его органической сопряженности с правами человека является сформулированное во Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией объединенных наций 10 декабря 1948 года, в ее статье 1 установление, согласно которому «Все люди рождаются свободными в своем достоинстве и правах». Из данного определения вытекает, что, во-первых, достоинство человека должно быть неприкосновенным, во-вторых, оно неразрывно связано с его свободой, в-третьих, оно воплощается в конкретных нравственных, интеллектуальных, гражданских качествах, соответствующих общепринятым в данном обществе моральным нормам и правовым предписаниям. Именно равнодостоинство всех людей, а стало быть, и каждого конкретного человека, является тем духовно-нравственным истоком, который своим человековозвышающим содержанием питает все базисные права людей.

Оно вместе с тем имплицитно содержит в себе неукоснительное требование всеми мерами, в том числе и законодательными, активно противодействовать любой попытке унижать, а тем более осуществлять попрание достоинства человека. В этом требовании ощутимо звучит эхо кантовского категорического императива, требующего: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда не относился бы к нему только как средству». Этот императив показывает, «каким надо быть, чтобы быть человеком».

Итак, достоинство личности – это категория многоплановая, включающая в себя, во-первых, недопустимость свершения человеком поступков, осуждаемых моралью и правовыми предписаниями; во-вторых, достаточно высокий уровень образованности человека и его интеллектуального развития; в-третьих, противодействие унижению человеческого достоинства; в-четвертых, формирование у человека доброжелательного отношения к окружающим и образа жизни, признаваемых в обществе достойными и образцовыми; в-пятых, каждый человек при нанесении ему морального ущерба, оскорбления, принижения достоинства, незаконного ограничения свободы и т. п. имеет право осуществлять противодействие всему этому различными средствами защиты, начиная от физического противодействия и заканчивая гражданско-правовыми и уголовно-правовыми средствами. Вследствие этого в демократическом обществе достоинство личности охраняется государством и организациями гражданского общества.

Претворение в социальную реальность достоинства личности и его эффективной охраняемости и защиты осуществляется в органическом взаимодействии с обеспечением прав человека. В своем содержательном наполнении права человека представляют собой систему принципов, норм и правил взаимоотношений между взаимодействующими людьми, а также отношений человека к государству и отношения государства к каждому человеку и к его достоинству. Все права человека кристаллизируются вокруг неприкосновенности личности и ее нестесненного достоинства. Это гуманистическое утверждение нашло законодательно-правовое оформление и закрепление в статье 21 Конституции страны, где подчеркивается, что «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства». Каждый гражданин нашей страны имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий. При этом государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства.

В этой статье фактически реализуется принципиально новая концепция взаимоотношений между государством и гражданином Беларуси. Если в советское время права и свободы отдельного человека занимали второстепенное место, приоритет принадлежал интересам общества или коллектива, а еще раньше – интересам трудящихся классов, то в настоящее время, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, высшей целью государства провозглашается осуществление такой деятельности, которая направлена прежде всего на реальное обеспечение прав и свобод граждан страны.

Принципиально важное значение имеет тот факт, что конституция не только провозглашает права и свободы личности, но и гарантирует их реализуемость. Важность этого положения заключается в том, что именно от того, насколько гарантированы права и свободы, можно судить о том, реальны или декларативны те или иные статьи Конституции.

Первостепенное значение имеют экономические гарантии прав и свобод граждан. Среди экономических гарантий главное значение имеет закрепленное в статье 13 Конституции предоставление всем гражданам равных прав для осуществления хозяйственной и иной деятельности, гарантированность равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности, регулирование экономической деятельности в интересах человека и обще-

ства. В этом же направлении действует и статья 44 Конституции, провозглашая неприкосновенность собственности.

Основой социальных гарантий прав и свобод личности являются нормы Конституции, направленные на обеспечение равенства всех граждан страны перед Законом и предоставление каждому гражданину равных возможностей в защите прав и законных интересов (статья 22). Равенство перед законом осуществляется как равноправие граждан независимо от пола, расы, национальности, происхождения, социального и имущественного положения, образования, языка, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств. Вместе с тем равноправие не исключает фактического неравенства граждан (богатые и бедные, здоровые и больные и т. п.) и вследствие этого проявления государством особой заботы о лицах, которые в силу определенных обстоятельств (инвалиды, пожилые люди, многодетные семьи и др.) не в состоянии конкурировать наравне с другими лицами в обеспечении себя и семьи материальными благами.

Политические гарантии, закрепленные в конституции, ориентированы на обеспечение политического плюрализма, всемерное развитие демократии, возможность активного участия граждан в решении государственных дел, право равного доступа к любым должностям в государственных органах, право на информацию о деятельности государства, право на обращение в международные организации (статьи 3–5).

Духовные гарантии (статьи 2, 16, 53 и др.) создают благоприятные возможности и условия для развития человеческой личности на основе взаимного уважения друг друга, реализации принципов нравственности и социальной поддержки. В Конституции Республики Беларусь, в 24 ее статье провозглашается, что право на жизнь является главным, основным правом каждого человека. Поэтому государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств. Причем право на жизнь, в соответствии с идеологической доктриной белорусского государства, трактуется в широком диапазоне. Оно включает право на здоровую, благоприятную для жизни человека окружающую среду, предполагает обязанность государства не допускать экологических и технологических катастроф и принимать меры по устранению или смягчению их негативных последствий.

Переход Республики Беларусь в состояние устойчивого инновационного развития резко актуализирует обеспечение экологических гарантий прав и свобод человека. Данная ситуация обостряется тем, что, во-первых, готовящийся ввод в действие Белорусской атомной электростанции увеличивает потребность значительных масс населения в обеспечении экологической безопасности, во-вторых, значительная часть населения республики до сих пор испытывает на себе отдаленные негативные последствия Чернобыльской катастрофы (достаточно сказать, что в наиболее пострадавших от этой катастрофы Гомельской и Могилевской областях количество людей со значительными отклонениями в психическом и социальном развитии в 1,2–1,3 раза превышает соответствующий общереспубликанский показатель). Поэтому важное значение для нашей страны имеет обеспечение реального осуществления таких прав, как право на благоприятную окружающую среду, право на охрану здоровья, право на свободу перемещения и выбор места жительства.

Конституция Республики Беларусь гарантирует гражданам страны не просто право на жизнь, но право на жизнь, достойную человека, обладающего высоким физическим, социальным и духовным развитием, многообразными потребностями и интересами. Поэтому в ней закреплен широкий спектр социокультурных гарантий прав человека: право на образование, на свободу художественного и технического творчества, на свободу мнений и убеждений, на сохранение национальной идентичности и пользование родным языком.

Многокомпонентная архитектоника прав и свобод гражданина Беларуси изображена на рис. 1.4.

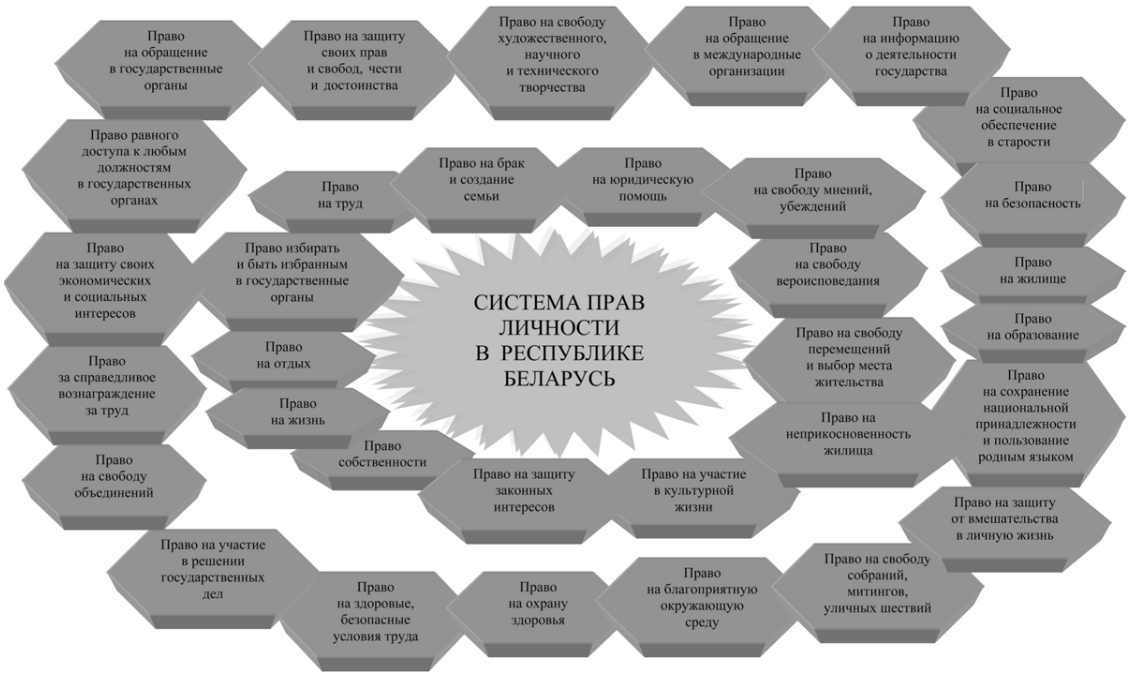

Рис. 1.4. Основные права граждан Республики Беларусь

В любом обществе не существует прав без обязанностей гражданина. Конституция Республики Беларусь закрепляет своими установлениями не так уж много обязанностей. В ней основной акцент делается на обеспечение прав и свобод граждан. Однако обойтись без основных обязанностей и их законодательно-правового оформления в современном обществе невозможно, поскольку только реализация обязанностей обеспечивает нормальное функционирование самого государства. В Конституции обобщены и закреплены те наиболее концентрированно выраженные требования, в исполнении которых наиболее рельефно проявляется ответственность личности перед обществом, гражданина – перед государством. Наиболее существенные обязанности граждан, сформулированные в Конституции Республики Беларусь, отражены на рис. 1.5.

В Конституции Республики Беларусь четко сформулирована сущность обязанностей государства перед своими гражданами, поскольку белорусское государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, а каждый гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение возложенных на него обязанностей. Подчеркивается, что государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан страны. В силу этого государственные органы, должностные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности.

Рис. 1.5. Основные обязанности граждан Республики Беларусь

Права и свободы человека выступают важнейшим критерием человекомерности государства в осуществлении его внутренней и международной политики. В современном белорусском обществе отчетливо проявляется тенденция к соблюдению и все более разнообразному конкретному наполнению прав человека в рамках правового и социального государства, четко ориентированного на развитие и защиту человеческого достоинства как высшей и непререкаемой ценности. А это ставит на повестку дня задачу формирования и развития во всех социальных группах и общностях культуры прав человека в ее взаимосвязи с культурой человеческого достоинства.

Важнейшим фактором развития, утверждения человеческого достоинства и его возрастающей значимости в жизнедеятельности белорусского общества является очень серьезное отношение широких масс нашего народа к данной проблематике. Общереспубликанское социологическое исследование, проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре-октябре 2013 года показало, что среди личностных качеств, помогающих людям находить правильные решения в повседневной жизни: человеческое достоинство считают наиболее важным более трети опрошенных – 35,4 %, отдавая этому социальному феномену в иерархии ценностей четвертое место, вслед за верностью (54,3 %), ответственностью (46,6 %), трудолюбием (40,1 %). Причем, чем выше уровень образования у респондентов, тем большее значение они придают человеческому достоинству: если в среде лиц с неполным средним образованием считают важнейшим личностным качеством человека его достоинство 24,4 %, со средним образованием – 36,3 %, то с высшим – почти половина опрошенных (48,8 %).

Социологические исследования убеждают в том, что в оценке значимости достоинства в жизнедеятельности человека и общества проявляется существенная дифференциация позиции в зависимости от социального статуса респондентов. Считают достоинство важнейшим личностным качеством человека 28,2 % руководителей высшего звена (работники управленческих структур, директора предприятий, фирм и учреждений), 42,2 % специали-

стов непроизводственной сферы, 39,2 % военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, 36,7 % учащихся и студентов, 44,1 % предпринимателей, фермеров и самозанятых.

Столь же высокими маркерами обозначаются в общественном мнении жителей Беларуси права человека. Отвечая на вопрос: какие ценности для Вас являются главными в жизни, опрашиваемые социологами граждане страны поставили на первое место жизнь и здоровье (83,0 %), на второе – материальное благополучие (52,5 %), на третье – веру в Бога (29,0 %) и на четвертое – права человека (21,4 %).

Среди политических прав считают наиболее значимыми – по убывающей степени – свободу слова, мнений и убеждений (61,2 %), право обжалования незаконных действий властей (50,4 %), право избирать государственные органы (44,8 %), право на обращение в органы власти и управления (38,8 %).

Главнейшим свидетельством важного значения, придаваемого гражданами Беларуси правам человека является тот факт, что более половины опрашиваемых – 51,5 % – на первое место среди важнейших признаков развивающегося в нашей стране гражданского общества выдвигают свободу личности и обеспечение прав человека. На второе место респонденты поставили активное участие граждан в работе органов государственной власти и управления (42,4 %), на третье – личную безопасность и неприкосновенность частной жизни (38,7 %). На четвертое – свободу политических взглядов и убеждений, отсутствие господства одной идеологии (25,8 %).

Все более утверждающаяся в современном белорусском обществе уверенность в возрастающей значимости достоинства личности и обеспечения прав и свобод человека детерминирует высокий уровень оптимистических устремлений наших сограждан. Среди них почти половина – 49,9 % – смотрят в будущее с надеждой на улучшение жизни. Более других такая устремленность характерна для тех людей, которые, как правило, уже обрели определенный профессиональный и социальный статус и отчетливо ощущают свою гражданскую самостоятельность. Именно эти убеждения характерны для большинства респондентов в возрастной когорте 30–49 лет.

Приведенные данные эмпирических социологических исследований убеждают в том, что утверждение достоинства личности в обществе с непреложной необходимостью требует предоставления государством и общественными организациями каждому человеку определенного набора (желательно достаточного) прав и свобод. Само же достоинство выступает качественной характеристикой личности с точки зрения ее внутренней ценности и соответствия собственному предназначению как активного субъекта общественно-исторического развития общества, формируемого в процессе обучения, воспитания и социализации личности, осознания человеком значимости такого поведения, которое отвечает не только его собственным потребностям и интересам, но и интересам других людей, а в более обобщенной форме и интересам развития общества, по достоинству оценивается его социальным окружением и вызывает одобрение и уважение как отдельных людей, так и общества в целом. Само же человеческое достоинство получает благоприятное социальное пространство для своего утверждения и практической реализации в таком обществе, в котором создаются условия для обеспечения прав и свобод личности в органической взаимосвязи с ее нравственной, социальной и гражданской ответственностью.

Многообразие социальных личностных качеств, которые в каждом действующем в обществе человеке получают своеобразные индивидуализированные проявления, органично соединенные с его интеллектуальной и социокультурной развитостью, с обеспечением и практической реализацией его прав и свобод, с его нравственной, социальной и гражданской ответственностью, ставят исследователя перед необходимостью обратиться к теоретической экспликации того понятия, которое Никлас Луман называл «личностной

системой». В лумановской интерпретации «понятие личностной системы является понятием, включающим в себя перспективу наблюдателя, в том числе и самонаблюдение (так сказать самоперсонализация)». А это означает, что «личность для себя всегда уже есть высоко агрегированная самореференция». Он подчеркивает, что «личность конституируется, чтобы обеспечить упорядочение поведенческих ориентаций, которые могут возникнуть благодаря ей и только ей. Кто-то может быть личностью для себя и других». Поэтому для каждого человека важно «понимать себя как индивидуума и отправную точку управления своей личностью и ролью»[34].

Такое истолкование рассматриваемой проблемы неизбежно подводит Н. Лумана к очень интересному заключению о возможной рефлексии о *бесконечности внутреннего горизонта личности,* проявляющемся в ее индивидуальном сознании. В результате такой рефлексии «Я» приобретает свою я-специфическую актуальную бесконечность… т. е. свою трансфинитивную самость, лишь в контрасте с другим подобным «Я» («ты»). А отсюда вытекает необходимость «учитывать» растущую индивидуализацию личности и ее признание в социальных капиталах. В таком случае происходит столь необходимое для функционирования различных социальных систем «взаимопроникновение между людьми», т. е. осуществляется «межчеловеческое взаимопроникновение». Этот процесс в современном глобализирующемся и информационизирующемся мире, утверждает Н. Луман, развертывается «вместе с возрастающей индивидуализацией формирования личности»[35].

В лумановской онтологии человеческой индивидуальности раскрывается интерактивная индивидуальная композиция, соединяющая в индивидуальной самобытности личности ее социальные качества, выполняемые ею функции и самобытные, уникальные проявления ее личностной самости. Такой подход в своей содержательной наполненности не только перекликается, но и согласуется с концептуальными интерпретациями личности В. Франклом.

Всемирно известный специалист в области теории психологии личности Виктор Франкл в своей концепции экзистенциального анализа личности опирается на труды К. Ясперса. В. Франкл обосновывает три концепции о личностном своеобразии человека: учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли. Поскольку решение проблемы смысла жизни и свободы творчества изложено ранее в этой же главе при анализе сочинений Н. А. Бердяева, П. А. Сорокина и других выдающихся философов и социологов, остановимся только на франкловской концепции стремления человека к смыслу. Основная максима данной концепции гласит: человек стремится к смыслу и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным. Смысл в его понимании не субъективен, человек не конструирует его из себя, а находит в объективном мире, поэтому смысл выступает для личности как императив, требующий своего осуществления в процессе самотрансценденции.

В интерпретации В. Франкла самотрансценденция означает стремление не только к смыслу, который ждет осуществления, но и к другому человеку, которого можно полюбить. «Общение – встреча, – по его словам, – в самом широком смысле слова дает нам осознать партнера как человека, любовь же к нему показывает нам большее – его сущностную уникальность. Эта уникальность – основополагающая характеристика личностного бытия. Самотрансценденция же равно присутствует, превосходит ли человек себя в осуществлении смысла или в общении – встрече, любви: в первом случае участвует внеличный лобус, во втором – личностный, так сказать, воплощенный лобус»[36].

---

[34] Луман Н. Социальные системы. СПб.: Наука, 2007. С. 158, 415, 545.

[35] Там же. С. 133–134, 300, 301, 307.

[36] Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 323.

Человек, согласно В. Франклу, свободен благодаря тому, что его поведение детерминируется прежде всего его ценностями и смыслами, а в стремлении к смыслу выражается постоянный выход человека за пределы самого себя. Социально-психологический механизм такого выхода человека за пределы себя сегодняшнего и устремляющегося в будущее составляет самотрансценденция. Поэтому, по его утверждению, «самотрансценденция – сущность существования быть человеком – значит быть направленным не на себя, а на что-то иное… быть человеком означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации… человеческое существование не аутентично, если оно не проживается как самотрансценденция[37].

Этот мыслитель-гуманист, переживший ужасы нацистского концлагеря, был убежден, что человек только в той мере, в которой он в процессе самоидентификации осуществляет смысл своего существования, он осуществляет тем самым самого себя как уникальную личность во всем многообразии своих личностных социальных качеств.

В индивидуальности, свойственной определенному человеку самости, осуществляется согласование его личности как интеграла ее самореализации со всеми личностными гранями – социальными качествами, функциями, стремлениями, надеждами, верой и целеполаганием, в том числе, и с воплощением всех их в целедостижение. Но рассматривая личность как развивающуюся индивидуальность, мы должны иметь ввиду, что человек в самом себе не завершен, а процессуален: он в своей бесконечной самоактуализации, выражаясь словами М. Хайдегера, непрестанно «ускользает вперед». Поэтому-то так важна идея постоянного становления и самоактуализации личности, а еще более – реализация этой идеи родителями, школой, сверстниками, культурой, средствами массовой информации, чтобы воспитать в формирующемся человеке высокие социальные качества личности.

В своей реальной и многообразной жизнедеятельности личность представляет собой сокровищницу скрытых возможностей, которые отнюдь не всегда раскрываются как для нее, так и для ее ближайшего социального окружения. И вдруг оказывается, что обычный, ничем не выделяющийся из других человек в определенных, зачастую непредвиденных, а тем более в экстремальных обстоятельствах становится лидером, героем, предводителем… Так было и с Жанной д'Арк, и с Иваном Сусаниным, и с «гражданином России» Кузьмой Мининым… Вспомните, как много скрытых возможностей существует в детях дошкольного возраста, но впоследствии, в школе, вузе, на работе эти возможности нередко затухают, сковываются, утрачиваются. Поэтому так важно во всей многоэтапной, многогранной, не всегда управляемой стихии социализации, в процессе становления, формирования, воспитания личности суметь увидеть и раскрыть, осуществить максимум ее возможностей и альтернатив.

А если мы примем это во внимание и будем стремиться заботливо взращивать и развивать не всегда заметные, но реально существующие возможности личности, то станет бесспорным утверждение, согласно которому развивающаяся личность хранит за преходящими реалиями повседневной жизнедеятельности огромные запасы будущего. Реализовать их в практике воспитания и в семье, и в школе, и в производственном коллективе, и в армейской службе или спортивной, культурной и иной деятельности – дело сложное, но в высшей степени благородное.

Чтобы не выявленные и нередко не выявляемые возможности, способности, таланты личности (вспомните выражение: «все дети талантливы, но почему тогда не все взрослые талантливы?»), необходимо энергично, кропотливо и эффективно интегрировать формирующуюся личность в многообразную социальную действительность, преимущественно тот ее сегмент, который в наибольшей степени соответствует ее задаткам, т. е. генетически врожденным анатомо-физиологически-антропологическим особенностям, развивать эти задатки

[37] Там же. С. 285.

и способности, формировать таланты, которые будут необходимы и важны человеку в его практической деятельности.

Квинтэссенция воспитательных воздействий на формирование личности и в искусстве, и в школе, и в трудовом коллективе коренится в формировании у каждого индивида высокой культуры личности. А непременным атрибутом культуры личности является ее неравнодушие во всех ее проявлениях – неравнодушие к прошлому, к настоящему, и к будущему, к тем, кого хорошо знаешь, а также к тем, кого не знаешь. Прежде всего – неравнодушие и уважение человека человеком. Вот здесь-то оно и смыкается в высоконравственный сплав, который называется совестью. Именно совесть человека побуждает его быть нравственным не только в своих суждениях, но и конкретных жизненных поступках. Такие действия сливаются воедино с подлинной нравственностью и теснейшим образом связаны с гражданственностью личности, ибо, по очень верному замечанию Е. Евтушенко, «гражданственность – это нравственность в действии»[38].

Ведь совесть человека воплощается в его способности практически оценивать свои мысли, стремления и поступки и переживать (иногда мучительно больно) свое несоответствие своим же жизненным установкам. Она в своих реальных проявлениях действует как внутренний, не всегда слышимый, но все таки воспринимаемый внутренний голос личности как ее требовательный и неподкупный судья. И в таком контексте нельзя не согласиться с выдающимся современным русским поэтом Е. Евтушенко, утверждающим, что нет в мире бессовестных народов, совесть рассыпана в каждом народе по многим людям.

Формируемые в семье, в школе, в трудовом коллективе, отграниваемые самой жизнью социальные качества, особенности и функции личности, проявляющиеся в ее непрестанном взаимодействии с социальным и природным миром, действуют не в отрыве друг от друга, а в тесном взаимодействии[39]. Конфигурация же их сочетаний различная для каждого человека в своем синергетическом единстве как раз и образует личность как индивидуализированную, уникальную социальную систему.

[38] Евтушенко Е. А. Талант есть чудо неслучайное. М.: Советский писатель, 1980. С. 289.

[39] Евтушенко Е. А. Завтрашний ветер. М.: Правда, 1987. С. 248.

Глава 2. Человекоразмерные контуры идентификационной социальной системы

В течение первых двух десятилетий XXI в. резко актуализировались теоретические и практико-ориентированные проблемы различных типов идентификации – индивидуальной, национальной, профессиональной, государственной. Огромный накал драматичности приобретают идентификационные устремления каталонцев, стремящихся обрести независимость (или хотя бы существенную государственную автономию) от Испании. Такие же тенденции преобладают в умонастроениях населения Фландрии, мечтающего отделиться от Валлонии, говорящей на валлонском диалекте французского языка, курдов, жаждущих получить независимость от Турции, дончан и луганчан, активно добивающихся отделения от Украины. В условиях углубляющейся информатизации постсоветских стран, в том числе Беларуси и Российской Федерации, все большую значимость приобретает профессиональная и личностная идентификация.

Все эти и другие, тесно связанные с ними процессы вызывают множество дискуссий о ценности, значимости и формах проявления идентичности в современном мире. Такая ситуация детерминирована, в первую очередь, тем, что вследствие своей вездесущности идентификация и ее продукт – идентичность – способны проникать во все сферы жизнедеятельности человека. Современный человек живет и действует в многомерном и динамично развивающемся мире, в котором, по утверждению широко известного в Европе словенского философа и социального теоретика Славоя Жижека, «происходит непрерывный расцвет групп и подгрупп с их гибридными, смещающимися идентичностями в своем ближайшем, а иногда в дальнем окружении, каждая из которых настаивает на своем праве вести свой особый образ жизни и (или) иметь свою особую культуру»[40]. Одной из форм проявления смещающихся идентичностей является символическая идентичность. Чаще всего она проявляется в том, что человек в своем ближайшем, а иногда в дальнем окружении своими словами (чаще) и поступками (реже) выдает себя не за того, кем является на самом деле. Типичный хрестоматийный пример этого – Хлестаков в знаменитой гоголевской комедии. Но есть много других примеров. Знакомясь с приглянувшейся ему девушкой молодой (не всегда) мужчина хвастается своим образованием, должностью, званием, дорогим автомобилем, которых у него нет. Известный актер, писатель выбирает себе звучный псевдоним и с течением времени так свыкается с ним, что не воспринимается никем с подлинной его фамилией. Не так ли произошло с Аллой Пугачевой, или с Якубом Коласом? А чем является гомосексуализм, как не извращенной формой половой идентичности и приобретением иной, отличной от нее идентичности, когда он относится к другому мужчине как к женщине, вступая с ним не только в сексуальную связь, но и в брачные отношения? А возведение таких связей и отношений не только в объект рекламы и пропаганды (вспомним знаменитые гей-парады), но и в санкционированные в некоторых странах правовые установления, представляют собой фактически извращенную форму отрицания традиционных, освященных многовековыми традициями отношений между мужчиной и женщиной. С. Жижек даже вводит в словоупотребление понятие «экскрементальной идентификации», когда говорит об извращенцах, источником наслаждения которых служат извращенные формы получения удовольствия не только в гомосексуализме или лесбиянстве, но даже в копрофагии (поедании экскрементов) как крайнему способу доставить наслаждение своему партнеру[41]. Подоб-

[40] Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 287–288.

[41] Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. С. 314, 332, 334.

ного рода извращенные формы стремления к удовольствию, к тому, чтобы получить или доставить кому-то другому извращенческое удовлетворение, способно привести индивида к моральной апатии, безнравственной вседозволенности и даже обернуться утратой моральных ориентиров и, соответственно, утратой индивидуальной идентичности.

Все изложенное вплотную подводит нас к проблеме типологизации идентификационных процессов и выявлению критериев разграничения основных типов идентичности.

В процессе построения типологии идентичностей первостепенное значение придается не только выявлению тех или иных идентификационных типов, но и (в первую очередь) определению сущностных особенностей каждого из них.

В условиях современного модернизирующегося общества, в котором существенно возрастает значимость креативности мышления и действия людей во всех сферах жизнедеятельности, исходным началом исследования различных типов идентификации является выявление социологическими характеристиками основных параметров личностной идентификации различных индивидов. Когда мы анализируем самоидентификацию, осуществляющуюся в жизнедеятельности конкретных индивидов, то речь идет не только о тождественности личности самой себе, но и об ее целостности, способности оставаться самой собой при любых обстоятельствах и в любых отношениях с другими людьми. В этих характеристиках проявляются сущностные, типические особенности «Я», представляющего собой специфически-индивидуальное выделение субъектом познания и действия самого себя среди других личностей из окружающей социальной среды, с учетом своей индивидуально-социальной целостности, а также временных рамок прошлого, настоящего и будущего. Чем органичнее связаны эти три темпоральных модуса бытия личности, тем более социально развитой и интересной для других становится данная личность.

В набор наиболее значимых социальных качеств, формирующихся в процессе ее социализации и идентификации, входит, прежде всего, ее самосознание, означающее осознание человеком самого себя как «Я», противостоящего «другим» и вместе с тем неразрывно связанного с ними. Являясь важнейшим индикатором индивидуальной идентичности личности, самосознание в ее жизнедеятельности активно взаимодействует с самооценкой, саморегуляцией, самоактуализацией, самодетерминацией поведенческих актов, самоконтролем и самовоспитанием. Разумеется, все эти различные и взаимосвязанные «само» обусловлены не только внутренними качествами самой личности, но и ее социальным окружением, т. е. внешними влияниями, идущими из социальной среды. Изменение любого из этих компонентов приводит к изменению личностной идентичности. Представления индивида о самом себе, воспринимаемые им в качестве собственных и неотделимых от его самости, являются, в конечном счете, продуктом влияния социальных норм и ценностных ориентаций, функционирующих в той или иной социальной общности или в обществе в целом. Поэтому личностное «Я» образуется и развивается в результате своеобразного баланса между персональной и социальной идентичностью.

Только в результате такого баланса формируется отношение индивида к другому человеку как равнодостойному собеседнику и партнеру. Это предполагает способность личности не впадать в самолюбование. А тем более – в крайнюю его форму эгоизма. Ведь эгоист – это человек, который из всех возможных ментальностей превыше всего ставит только местоимение первого лица, т. е. во всем стремиться быть или хотя бы казаться первым. Чаще всего такой человек является по своей сути фигурой незначительной, столь же неизмеримо малой величиной в идентификационном смысле, как частица гамма-излучения.

Важнейшим фактором развития личностной идентификации индивида является формирование у него стремления и готовности проявлять в случае необходимости волевые качества и твердость характера. В акте волеизъявления осуществляется синтез внутреннего желания (стремления) субъекта – «я хочу», его императивной установки – «я должен» и воз-

можного достижения желаемой цели – «я могу». Воля и решимость действовать определенным образом составляют высший уровень самоформирования и саморегуляции поведения личности в процессе совершения целенаправленных действий.

В своем реальном функционировании личностная идентичность индивида оказывается тесно связанной с его тендерной идентичностью. Этот тип идентичности проявляется в осознании человеком самого себя как представителя определенного пола, что служит основой социально-психологической интериоризации мужских или женских черт повседневного поведения. Следует отметить, что не пол сам по себе, а тендер осуществляет отображение социокультурного аспекта половой принадлежности человека и обусловливает психологические качества, виды деятельности, занятия, а часто и профессии мужчин и женщин через систему воспитания и этических норм.

Многолетние социологические исследования, проводимые в Беларуси, неизменно показывают, что в иерархии идентификационных самоопределений людей различных социальных статусов и возрастов неизменно приоритетные позиции занимают микроидентификации человеком себя с малыми социальными группами – со своей семьей, близкими, знакомыми и с коллегами по учебе и работе.

Осуществленное Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси мониторинговое репрезентативное исследование в октябре 2013 года зафиксировало, что идентифицируют себя со своей семьей свыше 79 % от общего количества респондентов. Причем 71,4 % жителей городов, опрошенных социологами, утверждают, что дети для них самое главное в жизни. Еще большее количество респондентов, проживающих в сельской местности, – 77,5 – придерживаются такой же позиции. К числу наиболее важных жизненных ценностей относят своих родителей – 70,3 % опрошенных горожан и 66,8 % сельчан. Существенное значение в выявлении особенностей микроидентификации людей в современном обществе имеет отождествление индивидом себя с другими малыми социальными группами, в том числе с друзьями, знакомыми, с коллегами по учебе или работе.

Эмпирические материалы, полученные в процессе того же самого республиканского исследования (опрошено 1589 человек), показали, что идентифицируют себя очень часто со своими друзьями и знакомыми 73,8 % опрошенных, редко – 17,7 %, практически никогда так не делают только 3,3 %, а не дали ответа на этот вопрос 5,2 % от общего числа респондентов. Сравнительно более низкими показателями характеризуется идентификация индивида себя с коллегами по учебе и работе. Часто отождествляют себя с ними 50,6 % от общего числа опрошенных, делают это редко – 30,7 % респондентов, практически никогда – 11,1 %, не дали ответа на этот вопрос 7,6 % респондентов. По мере углубления и качественного многообразия структурированности и процессуальности современных модернизирующихся обществ возрастающую значимость в жизнедеятельности людей наряду с микроидентичностью приобретает идентичность больших групп людей.

Среди различных типов идентичностей, которые формируются в современном белорусском обществе, весьма существенное значение имеет духовно-нравственная и мировоззренческая идентификация людей. Обобщение эмпирических данных социологических исследований, проведенное в Беларуси в 2012–2013 гг., дает конкретную панораму интенсивности данного типа идентичностей.

Из данных табл. 2.1 следует вывод, согласно которому в современном белорусском обществе абсолютное большинство опрошенных граждан (не менее 81,4 %) идентифицируют себя с людьми, руководствующимися в жизни одинаковыми (либо сходными) с ними нравственными принципами.

Таблица 2.1. **Распределение ответов респондентов на вопрос об их идентификации с людьми одинаковых нравственных принципов**

Степень отождествления	Количество, %
В полной мере	51,8
В определенной степени	29,6
Практически никогда	11,0
Затруднились с ответом	7,2

В современном глобализирующемся мире, где обостряется борьба политических доктрин и идеологических установок, возрастающую значимость приобретает мировоззренческая идентификация индивидов и социальных групп. Проведенные в сентябре-октябре 2013 г. социологические исследования засвидетельствовали, что 85,1 % из общего массива опрошенных идентифицируют себя полностью или в определенной степени с людьми, разделяющими с ними взгляды на жизнь. Несколько меньшее их количество – 68,4 % – чувствуют свою общность с людьми одного и того же вероисповедания. Причем в обеих группах опрошенных по данным вопросам существует значительная дифференциация позиций в зависимости от социального статуса, возраста, пола и места жительства. Общую панораму таких идентификаций в современной Беларуси можно представить, внимательно присмотревшись к табл. 2.2.

Степень отождествления вероисповедания	Социальный статус								
	Руководитель высшего звена	Руководитель среднего звена	Руководитель низшего звена	Служащий, специалист	Рабочий	Крестьяне	Пенсионер	Учащийся, студент	Предприниматель
В целом по массиву опрошенных – 66,7%	69,4	63,5	58,3	68,3	64,6	72,7	75,4	59,7	67,5
Степень отождествления по политическим взглядам	72,7	66,4	57,9	62,6	55,2	55,6	45,1	54,7	62,6

Таблица 2.2. **Идентификация жителей Беларуси по характерным признакам вероисповедания и политических взглядов, %**

Итоговые данные социологических исследований, приведенные в табл. 2.2, показывают, что социально-стратификационная дифференциация населения Беларуси в гораздо большей степени воздействует на идентификационные ориентации в политических позициях, чем на отождествление индивидов и групп по особенностям вероисповедания: если в политических предпочтениях разница между социальными стратами составляет 27,6 %, то в ориентациях вероисповедания – только 17 %.

В процессах политической и вероисповедальной идентификации существенное значение имеет разница людей по уровню их образования. Социологические исследования свидетельствуют, что из общего количества опрошенных более трех четвертей (77,5 %) предпочитают идентифицировать себя с людьми такого же уровня образования, а практически никогда такого способа самоотождествления не осуществляют только 15,4 % из общего количества опрошенных. Ощущают свою религиозную общность с людьми одного вероисповедания 76,6 % опрошенных со среднем неполным образованием, 71,6 % – со средним общим, 66,7 % – со средним специальным, 56,6 % – с высшим. Как видно, здесь проявляется характерная особенность – интенсивность идентификации личности по вероисповедальному признаку последовательно понижается по мере повышения уровня образования. В отношении к поли-

тическим взглядам обнаруживается тенденция обратной направленности: если среди лиц со средним неполным образованием идентифицируют себя с людьми близких политических взглядов 44,3 %, от общего количества респондентов, то в когорте лиц, обладающих полным средним общим и средним специальным образованием доля таких идентификационных устремлений возрастает до 56,4-56,5 %, а в группе опрошенных с высшим образованием такая позиция характерна уже для 59,7 % респондентов.

Значимое влияние на отношения к вероисповеданию идентификации оказывает тендерная специфика респондентов. С людьми одного вероисповедания ощущают свою общность 63,8 % опрошенных мужчин и 72,2 %, т. е. на 8,4 % больше, опрошенных женщин. Предпочитают идентифицировать себя с людьми, близкими по политическим взглядам, чаще мужчины (55,9 %), чем женщины (53,3 %).

В многогранной и многокомпонентной системе мировоззренческих и духовно-нравственных идентификаций в постсоветских странах, в том числе в Беларуси и России, переживших более чем семидесятилетний диктат атеистской идеологии, на протяжении последних двух десятилетий существенно возросла значимость религиозной идентичности. *Религиозная идентичность* есть восприятие и субъективное осознание человеком себя через внутренний мир, обращенный к Богу, отождествление себя с сообществом, состоящим из других верующих, включенных в религию как специфическое миропонимание, и осознание своих обязанностей, руководствующееся божественными заповедями. Такая ориентированность сознания и поведения помогает верующему человеку сформировать систему взглядов на мир, на свое место и предназначение в этом мире, составляющих основу его убеждений и жизненных позиций. Системообразующим ядром религиозной идентичности является коленопреклонное отношение человека к божественному как созданного и зависящего от Бога существа. В процессе религиозной идентификации верующий человек усваивает религиозные идеи, представления, стереотипы, образцы предписанного религиозным учением поведения. Эти образцы и стереотипы становятся для него внутренними регуляторами собственных поведенческих актов.

О степени распространенности в Беларуси религиозной идентичности можно судить по таким данным: за период с 1998 по 2013 г. включительно количество религиозных общин в Беларуси возросло с 765 до 3251, т. е. в 4,2 раза. В сентябре 2013 г. 78 % опрошенных утверждали, что их объединяет с жителями Беларуси религиозное вероисповедание, причем 41,5 % считают, что такое объединение действует в сильной степени. Осознают себя верующими в той или иной мере 67,5 % респондентов. Более трети из них (34,7 %) считают себя верующими вполне отчетливо. Относят себя к атеистам только, 11,2 % респондентов. Однако более или менее регулярно посещают храмы и принимают участие в религиозных обрядах (не менее одного – двух раз в месяц) только каждый пятый (20,1 %) из числа декларирующих свою принадлежность к религиозной вере. Их-то и следует причислять к когорте подлинно верующих граждан.

В интенсивности идентификации себя с определенным вероисповеданием между гражданами Беларуси существует значительная дифференциация в зависимости от региона их проживания. Если в Гродненской области отождествляют себя с людьми одного вероисповедания 83,2 % от общего количества респондентов, в Брестской области – 81,5 %, в Гомельской области – 71,3 %, в Витебской области – 67,5 %, то в Могилевской области – только 50,7 % опрошенных.

Возрастающими масштабами в последние годы характеризуется *профессиональная идентичность*. Социологические исследования свидетельствуют: 79,6 % опрошенных соотносят себя с людьми той же профессии, причем у городских жителей такое самоотождествление развито гораздо сильнее, чем у сельских. В среде опрошенных горожан идентифицируют себя с людьми одинаковой с ним профессии 80,4 %, причем часто – 35,2 %, а в сельской

среде – 76,1 % от общего количества респондентов. Интенсивность данного типа идентификации возрастает по мере повышения уровня образованности опрашиваемых. Если среди лиц, обладающих начальным образованием, его разделяют 67,1 % респондентов, то в кругу людей, имеющих специальное – 81,7 %, а у людей, обладающих высшим образованием, он составляет 85,4 % от общего количества опрошенных.

В типологической структуре идентификаций в современном обществе возрастающую значимость приобретает досуг, т. е. совокупность видов деятельности, предназначенных для удовлетворения материальных, духовных, социальных потребностей, осуществляемых людьми в ту часть внерабочего времени, которая остается после выполнения ими непроизводственных обязанностей (передвижение на работу и с работы, покупка продуктов питания, одежды и т. п.) Различные виды досуговой деятельности ориентированы на выполнение трех основных функций: а) восстановление физических и духовных сил личности, поглощаемых производственной деятельностью и другими непреложными занятиями; б) духовно-нравственное, художественное, психологическое и т. п. развитие человека; в) удовлетворение потребности в общении с другими людьми, в отдыхе и развлечениях. Количественные характеристики досуговой деятельности различных групп населения Беларуси обобщены в табл. 2.3.

Таблица 2.3. **Интенсивность отождествления белорусов с людьми одинакового досуга**

Как часто Вы ощущаете чувство общности с людьми одинакового досуга	Люди, проводящие досуг так же, как и я
Чувствую в полной мере	50,1
Чувствую в определенной степени	30,6
Практически никогда	12,0
Затруднились ответить	7,4

Становление многополярного мира, в котором процессы глобализации сопровождаются социальными турбуленциями и обостряющимися столкновениями интересов различных государств и их коалиций, значительно актуализировало проблематику национальной идентичности. *Национальная идентичность* – это эмоционально окрашенная и рационально осмысленная общность индивида и/или социальной группы с людьми, обладающими такой же совокупностью национального самосознания, психического склада, единого языка и самобытности национальной культуры. Важным маркером (определителем) национальной идентичности в социологическом исследовании является отнесение респондентами самих себя к той или иной национальности. Проведенный, в сентябре-октябре 2013 г. социологический опрос показал, что 84,3 % респондентов считают важным объединителем себя с гражданами Беларуси именно национальность. Только 6,5 % опрошенных отрицают объединительную значимость данного феномена, а 9,2 % из их количества затруднились с ответом на заданный вопрос.

Для конкретизации позиций в определении национальной идентичности респондентам были заданы дополнительные вопросы о роли в такой идентификации национальной идеи и черт национального характера. Большинство опрошенных (51,6 %) считают, что сердцевиной данной идеи должна стать экономически развитая и процветающая Беларусь. На второе место ими был поставлен индикатор «Беларусь – государство с развитой демократией, законностью и порядком» (21,1 %), на третье – «Беларусь – общество социального равенства и справедливости» (17,2 %).

Одновременно 78,2 % респондентов считают, что их с жителями Беларуси объединяют особенности национального характера и менталитета (из них 40,6 % полагают, что данный

феномен объединяет их в полной мере, 14,4 % респондентов считают, что это объединяет их с жителями страны частично, 10,3 % не смогли дать однозначно ответ на данный вопрос, а 7,4 % респондентов ответили на него отрицательно).

Наряду с национальной идентичностью примерно в тех же количественных показателях в современном российском и белорусском обществах развертываются особенности и отличительные черты *гражданской идентичности.* Она реализуется в качестве процесса отождествления индивидом или социальной группой себя с базовыми ценностями, присущими гражданам данной страны и проявляющихся в их статусных и социально-ролевых характеристиках, в ценностных ориентациях и жизненных стратегиях поведения. Этот тип идентичности становится особенно востребованным в условиях перехода к устойчивому развитию страны и ее модернизации.

Формирование гражданской идентичности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, поведения, традиций, культуры, языка, т. е. с этнонациональной идентичностью. Однако когнитивное наполнение гражданской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнонациональной. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Гражданская идентичность – на политической и правовой культуре, гражданской активности, на формировании и функционировании институтов гражданского общества. Она более динамична, чем этническая, выбор которой вовсе не исключает гражданской идентичности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности способно дополнять друг друга. Это дает основание говорить о совместимости таких идентичностей.

Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностями человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору может стать фактором, цементирующим гражданскую и этническую идентичность, делающим *государственную идентичность* привлекательной для всего населения страны.

Абсолютное большинство жителей Беларуси, опрошенных социологами в 2013 г., считают, что их объединяет в единую социальную целостность именно гражданство (91,5 %). Причем две трети из них (66,9 %) убеждены, что данный объединитель воздействует на них в сильной степени, затруднились с ответом на данный вопрос 5,3 % опрошенных, но только 2,3 % считают, что гражданство их не объединяет. Три четверти опрошенных в Беларуси (74,4 %) гордятся тем, что являются гражданами своей страны. Только 2,1 % респондентов не испытывают такой гордости, а 18,5 % не смогли однозначно определить свою позицию по данному вопросу.

В процессе формирования и упрочнения гражданской идентичности большую значимость имеет утверждение в сознании и поведении большинства населения страны важности идеи гражданственности. Эта идея, овладевая массовым сознанием и воплощаясь в практических действиях больших социально-демографических групп, становится мощным конструирующим фактором формирования человека – гражданина, готового и способного не только чувствовать свою сопричастность судьбам своего народа, но и эффективно трудиться не только ради собственного благополучия, а во имя благополучия своей Отчизны.

Воплощение идеи гражданственности в чувствах, сознании, волевых устремлениях и практических действиях людей происходит в едином русле с формированием и развитием в стране гражданского общества. Последнее характеризуется как сфера социально-гражданственной самоорганизации индивидов и добровольно сформировавшихся общностей граждан, защищенных правовыми нормами от прямого вмешательства и произвольной регламентации разнообразной деятельности граждан со стороны государственной власти и ее органов. Оно функционирует как общество, достигшее партнерских отношений с государством, но одновременно способное осуществлять контроль над органами государственной

власти, как общество, в котором возможность граждан реализовать свои права и обязанности дополняется способностью и стремлением государства обеспечить права и свободы своих граждан.

В процессе проведенных в последние годы всебелорусских социологических исследований выяснилась весьма существенная тенденция, состоящая в возрастании гражданской идентичности в сопоставлении ее с национальной идентичностью. С 2002 по 2013 г. включительно доля населения чаще всего идентифицирующего себя со своей национальностью возросла в Беларуси с 21,8 до 81,0 %, а с гражданами своей страны с 24,8 до 91,5 % от общего массива опрошенных.

Новейшая философско-социологическая трактовка идентичности разработана выдающимся современным социологом *Мануэлем Кастелъсом,* который считает, что современные социальные системы организованы вокруг человеческих идентичностей, структурированных и детерминированных в отношениях производства, науки, технологий, культуры и власти. В глобализирующемся, неконтролируемом, нелинейно и непредсказуемо изменяющемся мире, утверждает он, «люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичностей: религиозных, этнических, территориальных, национальных… В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструируемой, становится фундаментальным истоком социальных значений… Идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются или своих представлений о том, кем они являются». Вот здесь-то и возникает новая, порожденная информационно-технологической революцией, ранее не существовавшая идентичность, которая структурируется вокруг биполярной оппозиций между Сетью и «Я». В этой новейшей оппозиции, базирующейся на логике компьютеров, молекулярной генетике и стремительно развивающихся коммуникационных систем, возникает новая «разделяемая», реконструируемая идентичность». Эта идентичность, связанная с формированием инновационной среды, нуждается, с одной стороны, в эффективной защите от попыток ее подавления или разрушения, а с другой – в новой духовной среде. Главное в данном многомерном процессе – «не новизна интеллектуальной и культурной обстановки, а ее способность генерировать синергию на базе знаний и информации. Способность, непосредственно связанная с промышленным производством и коммерческим приложением инноваций». Речь здесь фактически идет о «вездесущности информации в информационную эпоху»[42].

Базовой структурной единицей новейшей идентификационной и инновационной системы, согласно Э. Кастельсу, является не индивидуальный субъект – личность, не коллективный субъект – корпорация или государство, а «социальная сеть», составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых» и имеющая свое собственное и культурное и идентификационное измерение. Социальные сети представляют собой мощные полиструктурные формирования. По утверждению М. Кастельса, существуют семейные сети, предпринимательские, организационные, коммунальные, телекоммуникационные сети. Все они либо многие из них связаны множеством взаимодействий, но в центре любой из них в качестве активно действующего субъекта, непрестанно развивающего и трансформирующего любую сеть, выступает творческая, преобразующая мир разнообразных сетей личность. Именно вследствие такой миропреобразующей активности любая социальная сеть, какими бы отличительными особенностями она ни обладала, всегда

[42] Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

в любых обстоятельствах социального пространства и времени является коммуникативной, модернизационной и инновационной идентификационной системой.

В обширном потоке современных, динамично изменяющихся идентичностей, протекающих в переполненном конфликтами и социальными турбуленциями глобализирующемся мире, возрастающее значение приобретает процесс патриотической идентификации. Особенно важна такая направленность идентификационных процессов для формирования гражданских позиций подрастающих поколений. Приходится с сожалением констатировать, что современная молодежь как раз на такую направленность идентификации ориентирована несколько слабее, чем наши более зрелые в возрастном и житейском смысле поколения. Социологические исследования показывают, что в октябре 2013 г. считали важным для себя как гражданина Беларуси быть патриотом своей страны 84,2 % из общего количества опрошенных в возрасте 16–29 лет, 88,2 % – в возрасте 30–49 лет и 88,8 % в возрастной когорте 50 лет и старше. Думается, что в воспитании патриотических убеждений и позиций нашей молодежи необходимо более целеустремленно, содержательно работать и нашим учебным заведениям, и средствам массовой информации, и работникам культуры, и молодежными организациями.

Подлинный патриотизм как высокое ценностное отношение человека к своему Отечеству не приемлет национализма, особенно, в крайне агрессивных формах его проявления. Он органично соединяется с уважением к другим народам и культурам, с толерантностью, т. е. с отношением к людям других народов и культур как к равным себе собеседникам. Такое восприятие и понимание патриотической идентификации наиболее отчетливо проявилось у большинства советских людей в годы тяжелых испытаний Великой отечественной войны. Гордость за удивительные проявления патриотизма и интернационализма советских людей белорусский народ хранит не только в своей исторической памяти, о чем масштабно и с большой теплотой к ветеранам войны свидетельствовали прошедшие в 2015 г. во всех городах и деревнях Беларуси разнообразные мероприятия, посвященные 70-летию Победы над фашистской Германией.

В связи с развертыванием в последние годы на постсоветском пространстве мощных интеграционных процессов в Беларуси возникли и усиливаются новые виды идентификационных систем, обладающих интернациональными характеристиками. Социологические исследования, проведенные в июле 2014 г., показали, что свыше трех четвертей опрошенных в республике (75,2 %) поддерживают интеграцию Беларуси, России, Казахстана в рамках Единого экономического пространства. Примечательно, что степень такой поддержки возрастает по мере продвижения вверх по возрастной лестнице. Если в группе 16–29 лет выступают за единение этих стран в интеграционных процессах в рамках Единого экономического пространства 57 % респондентов, в группе 30–49 лет – 69,9 %, то среди людей от 50 лет и старше – уже 72,3 % опрошенных.

Приведенные данные социологических исследований убеждают, что в последние годы на просторах бывшего Советского союза складывается и развивается новый тип интеграционных процессов – евразийская идентичность. Своеобразие и сложность такой идентификации определяется тем, что в странах, входящих в Единое экономическое пространство – России, Беларуси и Казахстана и присоединившимся к ним в Евразийской интеграции в мае 2015 г. Армении и Кыргызстана – социально-экономическое, научно-техническое, социокультурное и политическое развитие осуществляется по разносторонним трендам и в неодинаковых масштабах.

Если дать обобщенную оценку создаваемой модернизационной интеграционной модели геостратегического многостороннего взаимодействия, то следует подчеркнуть, что создается и получает благоприятное социально-политическое и экономическое пространство для своего эффективного функционирования *наднациональное объединение,* имеющее

все необходимые предпосылки и возможности, чтобы превратится в один из полюсов современного многополярного мира и одновременно стать одним из центров сосредоточения силы в этом динамично, нелинейно развивающемся мире. Поскольку данное межгосударственное объединение является в своей сущности наднациональным, постольку его принципиальное своеобразие заключается в наличии надгосударственных структур. Важнейшие из них: Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны государств – участников СНГ, Совет командующих пограничными войсками, Межпарламентская ассамблея. Антитеррористический центр СНГ, Исполнительный секретариат СНГ, Экономический совет СНГ, Экономический суд СНГ. К их числу следует отнести разрабатываемую в настоящее время единую правовую базу Единого экономического сообщества. Однако функционирование над государственных структур ни в коем случае не означает какого-либо ущемления или недооценки национальных интересов. В условиях нарастающей всеобщей нестабильности и развертывания глобальных турбулентных процессов создание и функционирование наднационального межгосударственного объединения обусловливается собственными национальными интересами каждой суверенной страны и складывающимся стратегическим схождением исторических судеб и перспектив развития народов этих стран.

Важное значение в интеграционной модернизации России, Беларуси и Казахстана имеет оставшаяся от Советского Союза производственная специализация, общее языковое пространство, традиционные, научно-образовательные и культурные связи. Интеграционные трансформации в России, Беларуси, Казахстане, Армении и Кыргызстане могут быть успешными и эффективными только в том случае, когда станут эффективными объединенные усилия этих стран в обеспечении их коллективной безопасности, что имеет судьбоносное значение в ситуации нарастающей неустойчивости глобального экономического, финансового, научно-технического, информационного развития, порождающей источники новых вызовов и угроз. Если на основании изложенных особенностей Евразийского интеграционного объединения сконструировать определенную модельную матрицу, то она примет вид, изображенный на рис. 2.1.

Рис. 2.1. Модель интеграционных процессов Беларуси, России, Казахстана, Кыргызстана и Армении в рамках ЕЭП

Интеграционное взаимодействие России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении на современном этапе своего развития имеет как очевидные преимущества, так и наличие некоторых трудностей и барьеров в процессе формирования потенциала мощной интеграционной энергии. К числу несомненных преимуществ следует отнести, прежде всего, свободный доступ стран-участниц на рынок с более чем 175 миллионным населением и совокупным валовым внутренним продуктом (ВВП), составляющим почти три триллиона долларов США. Сюда же относится осуществление четырех взаимосвязанных свобод – свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Фактически создается совершенно новый тип интеграции постсоветских государств, основанный на нерушимости их суверенитета, территориальной целостности, общей истории, языка, культуры, менталитете и равенстве партнеров. Однако имеются и огромные трудности в осуществлении идентификационных процессов в рамках данного интеграционного объединения. Среди них в первую очередь можно назвать различия в экономических и социальных институциональных структурах стран и предопределенные ими расхождения в их экономических интересах и задачах, а также наличие изъятий и ограничений во взаимной торговле товарами и услугами. Это замедляет процесс вывода экономик стран-партнеров на более высокий уровень конкурентоспособности, на повышение эффективности инновационного развития и повышение жизненного уровня населения.

С учетом названных особенностей становится понятно, почему в своих евразийских интеграционных устремлениях половина опрошенных жителей Беларуси (49,8 %) выражает убеждение в том, что одним из важных преимуществ, создаваемых евразийской интеграцией, является расширение рынков сбыта белорусских товаров и услуг, создание для них более благоприятных условий, в частности беспошлинной торговли. Чуть меньшее количество респондентов (44,6 %) отмечает в качестве преимущества, даваемого евразийской интеграцией, возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях кризисов и мировой финансовой нестабильности, а еще 37,4 % выражают надежду на получение энергоносителей по более низким ценам.

Вместе с тем наши сограждане высказывают и некоторые опасения по поводу возможных негативных последствий в связи с вхождением Беларуси в Единый экономический союз. Так, например, 41,8 % опрошенных опасаются оттока наиболее квалифицированных кадров в страны данного сотрудничества, 31,9 % считают возможным снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке на фоне поступающих в страну товаров из стран содружества, 21,7 % респондентов выражают опасения по поводу возможного нарушения стабильности белорусской экономики в связи с вхождением республики в Евразийский экономический союз.

Приведенные материалы социологических исследований свидетельствуют, что белорусский народ в своем большинстве очень реалистично и взвешенно оценивает перспективы развития евразийского интеграционного объединения и в своих идентификационных устремлениях не испытывают эйфории по поводу его возможностей и перспектив. С учетом этого в осуществляемых в настоящее время разнообразных (экономических, социально-политических, межкультурных и иных) взаимодействиях в рамках Евразийского экономического союза России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана и возможных других участников данного интеграционного объединения необходимо последовательно придерживаться принципов доброжелательности, толерантности, взаимной требовательности и поддержки.

В процессах самоидентификации важное значение имеет наличествующее оптимистическое или пессимистическое мировосприятие. Социологические исследования показывают, что у современной молодежи гораздо более отчетливо проявляется оптимистическая

идентификация, чем у представителей более зрелых возрастов. Среди молодых людей в возрасте до 30 лет оптимистические мироощущения и устремления выражены почти у трех четвертей от общего массива опрошенных (74,6 %), тогда как пессимистические, пронизанные унынием, безнадежностью, безразличием, тревожностью – только (19,2 %), т. е. оптимизм в этой возрастной когорте встречается в 3,9 раза чаще, чем пессимизм. В отличие от этого, в следующей возрастной группе (30–49 лет) оптимистическое миропонимание превалирует у 64,4 % респондентов, что составляет около двух третей от их общего числа, а пессимистические настроения – 24,2 % (примерно одна четвертая). Еще отчетливее тенденция снижения оптимистичности по мере взросления респондентов проявляется у лиц в возрастной группе от 50 лет и старше: здесь к числу оптимистов причисляют себя 65,6 % опрошенных, а к пессимистам – 26,9 % (т. е. разрыв в пользу первых составляет 2,4 раза).

Если отвлечься от профессиональных, возрастных и иных социально-структурных различий в мировосприятии и мироощущении наших граждан, а посмотреть на идентификационные характеристики с более обобщающих позиций, то оказывается, что в качестве общей характеристики современных белорусов (при рассмотрении их в качестве единой консолидированной общности) превалируют оптимистические умонастроения. Половина из общего количества опрошенных граждан республики (49,9 %) всматриваются в будущее с надеждой на улучшение жизни, а еще каждый пятый из них (19,1 %) абсолютно уверены в улучшение жизни на протяжении последующих 10–15 лет. Таким образом, оптимистическое мировосприятие ныне характерно для 69 % граждан нашей страны. Общее же количество людей оценивающих ближайшее будущее с унынием, беспокойством, тревогой, безразличием составляет 24 % для всего массива опрошенных.

Такая конфигурация умонастроений сказывается на оценке нашими гражданами социально-политических, экономических и социокультурных реалий, в которых формируются и реализуются их идентичности.

К примеру, по данным общереспубликанского исследования, проведенного в июле 2014 г., три четверти опрошенных (74,9 %) убеждены, что Беларусь полностью состоялась как независимое и самостоятельное государство. Причем, чуть большее их количество (75,1 %) поддерживают тесную интеграцию Беларуси и России. Для дальнейшего упрочения самостоятельной белорусской государственности 45,5 % от общего количества опрошенных считают необходимым усилить ответственность руководителей всех уровней за принятие и осуществление решений, а 43,5 % сделать работу государственного аппарата более эффективной и открытой для контроля граждан. Более четырех пятых респондентов (81,2 %) считают, что через 10–15 лет Беларусь останется независимым государством, сохраняющим свою территориальную целостность, а три четверти (73,2 %) убеждены, что к этому времени Беларусь останется страной с высоким уровнем жизни, 69,1 % – социально справедливым обществом, 80,9 % – страной с развитой национальной культурой. Характерно, что 68,7 % от общего массива респондентов считают себя патриотами Беларуси.

Конечно же, такие особенности мировосприятия и мироощущения оказывают позитивное влияние на оптимистическую идентификационную направленность взглядов и действий белорусского народа и в данном контексте следует обратить внимание на одно очень важное обстоятельство: идентификационная устремленность человека (и отдельной личности, и социальной общности, и народа как предельно широкой общности в данной стране) органично соприкасается, даже взаимопереплетается с характерной особенностью стремительно развивающегося (в том числе и в Беларуси) информационного общества, которое все более явственно идентифицирует себя с научным, художественным, политическим творчеством. Это – принципиально важный момент в понимании и интерпретации идентификационных процессов, поэтому творчество самоценно: оно вдохновляется не ожиданием последующего материального вознаграждения, а воспринимается и оценивается творческой

личностью и творческим сообществом как высшая духовная благодать, не соотносимая с каким-либо меркантилизмом, расчетом на вознаграждение. Очень важна идентификация личности с творчеством, которое, согласно широко известному тезису Макса Вебера, есть воплощение призвания человека и его признание как творца другими людьми. В этом многогранном процессе проявляется стремление человека к свободе самовыражения, свободе самоопределения, свободе самоутверждения. Но чтобы на этом нелегком пути добиться успеха, необходимо проявлять инициативу, энтузиазм и творчество, от совокупного синергетического взаимоусиления которых существенно возрастает человекомерность всех типов самоидентификации.

Глава 3. Альтруизм – специфический способ реализации человекомерности социального бытия

Социальное бытие представляет собой многокомпонентную целостную систему взаимодействий и отношений людей к природе и друг другу, охватывающую собой все общественные явления и процессы, их структуру, динамику и функции, их сменяемость и трансформации в практической деятельности индивидов и их сообществ. Базисной характеристикой социального бытия является его человекомерность, центрированность на мипреобразующей деятельности людей.

Среди различных проявлений человекомерности социального бытия специфическую роль выполняет нравственный принцип альтруизма, основанный на естественной связанности людей друг с другом посредством симпатии и взаимопомощи. *Альтруизм* (от лат. alter – другой) – принцип бескорыстного отношения к нуждам, интересам и горестям других людей, коренящийся в духовно-нравственной основе и интересах человеческой личности. Он воплощается в желании и готовности человека оказывать помощь другим людям и выступает антиподом эгоизма. Этот термин был введен в философско-социологический и этический оборот родоначальником социологии *Огюстом Контом*. Основной принцип альтруизма, в его трактовке, звучит так: «Поступай так, чтобы твой личный интерес служил чужому интересу»[43]. В своей «Системе позитивной политики» он отстаивал теоретическое положение, согласно которому прогресс общества будет в решающей степени определяться тем, насколько среди его членов распространено альтруистическое поведение.

Отправляясь от основополагающего понимания роли альтруизма в развитии различных социальных общностей, *Эмиль Дюркгейм* подчеркивал: «Альтруизм не обречен стать, как это думает Спенсер, своего рода приятным украшением нашей общественной жизни; он будет всегда ее основанием»[44]. Отсюда вытекает моральное предписание – «соблюдать нравственную дисциплину, приносить пользу другим людям, жертвовать собой»[45]. Альтруистические стремления и чувства, по его убеждению, формируют у человека «весьма сильное чувство состояния зависимости, в котором находится индивид; он приучается… рассматривать себя только как часть целого… такие чувства в состоянии внушить не только те ежедневные жертвы, которые обеспечивают упорядоченное развитие повседневной социальной жизни, но при случае и акты полного и безраздельного самоотречения»[46].

Специфической формой такого поведения Э. Дюркгейм считал разделение общественного труда. Основная функция разделения общественного труда – интегрирование индивида в социальные общности, обеспечение единства общественного организма. Оно делает каждого индивида участником обмена, потому что создает между людьми целую систему прав, обязанностей и нравственных норм, прочно связывающих их друг с другом. «Разделение труда, пишет Э. Дюркгейм, прогрессирует… тем более, чем большее число индивидов, которые находятся в достаточном представлении, чтобы иметь возможность воздействовать и реагировать друг на друга… Прогресс разделения труда прямо пропорционален моральной или динамической плотности общества»[47].

---

[43] Конт О. Общий обзор позитивизма // Родоначальники позитивизма. Вып. 4–5. СПб., 1912. С. 116–117.

[44] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 236.

[45] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1994.

[46] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 236.

[47] Там же. С. 263.

Дюркгейм считал, что альтруистические формы стремлений и действий присущи всем способам поведения, включая даже такое девиантное их проявление, как самоубийство. Он интерпретировал альтруистическое самоубийство в качестве акта, совершаемого человеком вследствие бескорыстной готовности жертвовать собой ради других или ради возвышенной идеи служению долгу. По его определению, характерным для альтруистического типа самоубийства «является то обстоятельство, что оно совершается во имя долга. Например, капитан гибнущего корабля покидает его последним, когда не успевает или не хочет – оканчивает жизнь самоубийством из веления альтруизма. Он жертвует собой во имя интериоризированного социального императива, сознательно подавляя в себе инстинкт самосохранения. В подобных случаях прослеживается активно отстаиваемое Э. Дюркгеймом превосходство альтруизма над эгоизмом. В прекрасной художественной форме данная идея отчетливо прослеживается в выдающемся произведении Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий берегом моря», в котором дед, а затем отец добровольно уходят из жизни, чтобы дать реальные шансы спасения утлой лодочке в бушующем море, находящемуся в ней их внуку и сыну, который должен стать продолжателем их рода.

Своеобразную трактовку альтруистического поведения представил в своей волюнтаристической философской доктрине *Артур Шопенгауэр.* В качестве «первофеномена нравственной жизни он рассматривал два взаимосвязанных принципа: аскетическую позицию человека по отношению к собственной личности и альтруистическую установку по отношению к другим людям. В его истолковании фундаментальное основание во взаимодействии людей должна составлять бескорыстная справедливость и подлинное человеколюбие. Он утверждал, что заложенное в самой человеческой природе сострадание составляет «истинный источник человеколюбия, caritas, agape, т. е. той добродетели, принцип которой: «Помогай всем насколько можешь», составляет основу всех человеческих поступков, если «они должны иметь моральную ценность, т. е. быть чистыми от всяких эгоистических мотивов и именно поэтому пробуждать в нас самих то внутреннее удовлетворение, которое называют доброй, удовлетворенной, одобряющей совестью». Это высокородное нравственное чувство, писал он, проявляется ежедневно, всюду, где по непосредственному побуждению, не долго думая, человек помогает и спешит на выручку другому. Иной раз очевиднейшей опасности подвергает свою жизнь за того, кого он видит впервые, не принимая при этом в расчет ничего иного большую нужду и опасность другого. Характернейшая особенность человеколюбия, по его утверждению, заключается в том, что добрый человек своими помыслами и поступками убеждает: «Другие для него не «не-я», а «тоже я».

В истолковании А. Шопенгауэра альтруистические действия органично сопряжены с *состраданием.* Последнее он понимал в качестве такого поведения, в котором полностью отсутствует ущемление интересов другого человека. Именно сострадание, писал он, «проявляется как надежное ручательство нравственно-добропорядочного поведения. «Кто им полон, тот наверняка никого не обидит, не нанесет никому ущерба, никому не причинит горя, напротив, со всяким будет считаться, всякому прощать, всякому насколько в его силах помогать, и все его действия будут носить печать справедливости и человеколюбия»[48].

Данное утверждение убеждает, что в философской доктрине, разработанной А. Шопенгауэром, человеколюбие, сострадание и *справедливость* составляют своеобразный нравственный сплав, в котором все эти три ингредиента неразрывно взаимосвязаны и усиливают друг друга. Всем этим добродетелям противостоит *эгоизм,* основной девиз которого: «Все для меня, и ничего для других». Специфическими проявлениями эгоизма он считал злорадство, зложелательство, жестокость, несправедливость, выступающие антиподами по

[48] Шопенгауэр А. Две основные проблемы нравственности. Афоризмы житейской мудрости. Минск: Попурри, 1999. С. 296, 306, 346,261.

отношению к человеколюбию, состраданию и справедливости. К тому же эгоизм не совместим с *дружбой.* «Истинная, подлинная дружба, – утверждал А. Шопенгауэр, – предполагает сильное чисто объективное и вполне бескорыстное участие в радости и горе другого человека, а это участие, в свой черед, предполагает действительно отождествление себя с другим. Это… идет вразрез с эгоизмом»[49]. Итак, в понимании А. Шопенгауэра, человек, пораженный эгоизмом, не может быть подлинным другом, ровно так же, как не способен он быть справедливым, сострадательным и человеколюбивым.

С резкой критикой альтруизма выступил выдающийся немецкий философ *Фридрих Ницше,* который проповедовал наступление всемирной эпохи переоценки всех ценностей, в том числе и, главным образом, ценностей альтруистических. Он утверждал, что в альтруизме людям внушаются «жалкие чувства лакейской души». С нескрываемым презрением к альтруистическим поступкам он утверждал: «Альтруистическая мораль, мораль при которой *пропадает* эгоизм, – остается при всяких обстоятельства дурным признаком». Проповедь бескорыстных поступков ради блага другого человека, по его убеждению, приводит к деградации жизненно важных инстинктов, поддерживает людей слабых, несчастных, попавших в беду, поэтому неизбежен «конец человеку, если он становится альтруистом»[50].

С таких антиальтруистических позиций Ф. Ницше подвергал острой критике, призывал «крушить молотом» все то, что произрастает на гнилой почве общества, прежде всего религию (христианство) и предшествующую философию, особенно альтруистические высказывания А. Шопенгауэра, превозносившего мораль сострадания, которые он во второй период своего творчества презрительно называл «шопенгауэрщиной». Ф. Ницше безоговорочно относил себя к плеяде творцов аристократической культуры и философии, которые, по его словам, «видят в сострадании, в любви к ближнему, самости и чувства собственного достоинства нечто презренное»[51]. Руководствуясь именно такой трактовкой критикуемого им социального феномена, он без колебаний отвергает и точку зрения Герберта Спенсера, который видит «в победе альтруизма нечто достойное желания»[52]. Всякие призывы к альтруизму в отношениях между людьми, полагал Ф. Ницше, делают людей «маленькими, трусливыми и похотливыми», – они являются каждый раз торжеством стадного животного[53]. Такой вид, с его точки зрении, псевдозаботы о другом человеке он называет презренным видом благоденствия, которые необходимо не только сокрушать философствующим молотом, но и топтать его ногами.

В широкой социально-философской панораме раскрывает и теоретически интерпретирует сущность, формы и особенности альтруизма выдающийся русский философ, создатель всеобъемлющей доктрины всеединства *Владимир Сергеевич Соловьев.* В его истолковании альтруизм не только коренная противоположность эгоизму, но и мощнейший нравственный инструмент, дающий возможность человеку и человечеству перестроить жизнь для творчества, истины, добра и красоты. Такая созидательная роль принадлежит альтруизму вследствие сущностно присущему ему «безусловному нравственному началу»[54]. По утверждению В. С. Соловьева, во взаимодействиях между людьми должен восторжествовать принцип альтруизма, основу которого составляют «два правила альтруизма – отрицательное и положительное: 1) *не делай* другому ничего такого, чего себе не хочешь от других; 2) делай другому

[49] Там же. С. 537.

[50] Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. С. 610, 611.

[51] Там же. С. 643.

[52] Там же. С. 614.

[53] Луман Н. Социальные системы. СПб., 2007. С. 614.

[54] Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 63.

все то, чего сам бы хотел от других. Короче и проще: эти два правила, соединенные обыкновенно вместе, выражаются так: *никого не обижай и всем, насколько можешь, помогай*»[55].

Все проявления альтруизма способны воплотиться в действительность, был убежден В. С. Соловьев, только в том случае, когда существует социальное равенство, ведь чтобы проявить подлинное альтруистическое участие в делах и страданиях другого человека, нужно приравнять его к себе или себя к нему. Справедливость соответствует основному принципу альтруизма, требующему признавать равно за всеми другими право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собою. Такое соответствие предопределяется тем, что «правило жить для других предписывается альтруизму как *должное* отношение человека к подобным ему, или как нравственный долг»[56].

В понимании В. С. Соловьева альтруизм не должен замыкаться в рамках человеческой индивидуальности, но призван распространяться на такие обширные социальные общности, каковыми являются община, отечество, государство, приобретая тем самым не только количественное приращение, но и новое качественное состояние. «Альтруизм, или нравственная солидарность с другими человеческими существами, – писал он, – не только возрастает количественно, или в своем объеме, но возвышается и качественно, обращаясь на предметы невидимые, идеальные: общество, государство… Духовная природа и идеальное значение таких предметов, как отечество, государство сохраняется во всяком случае, и нравственные отношения к ним со стороны личности, выражающиеся в истинном патриотизме или гражданской доблести, представляют в этом смысле более высокую степень нравственности, нежели простые чувства родства или кровные связи»[57].

Завершая изложение взглядов В. С. Соловьева на сущность и роль альтруизма в социальном бытии, подчеркнем, что истолкование данного социально-нравственного феномена вытекает из утверждаемой этим философом теории всеединства. В этой его концепции утверждается высокая духовная значимость не только подлинно нравственного отношения человека к человеку, но предлагается убежденность в неодолимом движении каждого индивида и всего человечества к добру, истине и красоте.

Большое значение в исследовании особенностей альтруистических стремлений и действий и их роли в функционировании социальных общностей придавал в своей социологической концепции выдающийся русско-американский социолог *Питирим Александрович Сорокин.* Он призывал «к внимательному изучению механизма социальной жизни и тех побуждений, которые заставляют индивидов более или менее гармонично жить друг с другом и исполнять добросовестно лежащую на каждом из них обязанность». Важнейшее проявление таких именно побуждений он усматривал «в многочисленных индивидуальных актах самопожертвования и альтруизма», которые совершаются людьми добровольно и становятся «внутренним, органичным потребным долгом»[58].

Он последовательно отстаивал созидательную роль в развитии человека и разнообразных его взаимодействий с другими людьми «социально полезного (альтруистического) поведения», противопоставляя его «социально вредному (эгоистическому)»[59]. Особенно существенно возрастает роль альтруизма, считал он, в тех случаях, когда это стремление «превращается во внутренний «долг», необходимый импульсивный акт». Поэтому для совершенствования различных видов человеческого поведения, по его убеждению, необходимо добиваться, чтобы «уровень требуемого социально полезного альтруизма поднялся на

---

[55] Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Оправдание добра. Нравственная философия // М., 1988. С. 168.

[56] Там же. С. 216.

[57] Там же. С. 301.

[58] Сорокин П. А. Преступление и кара. Подвиг и награда. М., 2006. С. 390, 449.

[59] Там же. С. 486.

громадную высоту»[60], выполняя творческую роль «в создании, расширении и укреплении социальной солидарности»[61]. Сама же такая солидарность, в свою очередь, приводит к ситуации, когда между взаимодействующими людьми «неизбежно возникнут психические связи и процессы общения, которые под той или другой формой будут прикреплять их друг к другу, заставлять общаться и взаимодействовать», а это превратится в сильнодействующий фактор, предопределяющий «существование коллективного единства»[62]. Конечно, признает П. А. Сорокин, отнюдь не во всех случаях психическое взаимодействие индивидов и социальных групп приводит к их сплочению и социальному единству. Бывают и такие взаимодействия, в которых «в качестве цемента, объединяющего индивидов в одно взаимодействующее целое, выступает не альтруизм, не сострадание, не симпатия, а самые враждебные и злостные переживания»[63].

Отсюда следует, что важная задача социологии, философии и других гуманитарных наук заключается в том, согласно П. А. Сорокину, чтобы, принимая во внимание антагонистическое противостояние альтруистических и эгоистических стремлений и действий, всесторонне исследовать сущность и многообразие проявлений альтруизма и содействовать его расширению в социальных взаимодействиях ареала распространения в едином потоке с расширением и упрочением социальной солидарности.

Дилемму «альтруизм-эгоизм» считал необходимым исследовать в контексте ее сочлененности с проявлениями контингентности выдающийся немецкий социолог современности Никлс Луман «Контингентность, – в его истолковании, – есть нечто не являющееся ни необходимым, ни невозможным, таким образом, оно может быть таким, каково оно есть (было, будет), но может быть и иным»[64]. В процессе осуществления такого дифференцирования каждая личность («Ego») относится к взаимодействующей с ней другой личностью («Alter»), как «alter Ego». Двумя же противоположными друг другу социальными помыслами в такой ситуации являются альтруизм и эгоизм, поэтому содержание и направленность такого взаимодействия следует выявлять при помощи «схемы эгоизм/альтруизм». Это позволяет индивиду, считал Н. Луман, «обеспечить готовность трансцендировать самого себя в направлении другого таким образом, чтобы в повседневном поведении следовать не только своим интересам и привычкам». Тем самым становится возможным взаимопонимание, «локализирующее собственное Я в мире другого и другое «Я» в своем мире»[65]. В этом контексте он в различных формах проявления двойной контингентности отдавал безусловные предпочтения доброжелательному и бескорыстному сотрудничеству, солидарности и альтруизму, противопоставляя их злобным и враждебным многим людям проявлениям эгоизма.

Изложенные различные философские и социологические подходы к истолкованию сущности и особенности альтруистического поведения, взятые в их обобщенном виде, создают прочную теоретическую базу для понимания роли альтруизма как нравственного принципа и способа действия в социальном бытии. Альтруизм может и должен быть концептуализирован, прежде всего, в качестве важной части ценностно-нормативных представлений, составляющих отличительную особенность человека. Кроме того, альтруизм в своей сущности базируется на принципе доброжелательной и бескорыстной помощи окружающим людям, иногда даже в ущерб собственным индивидуальным интересам. В этом смысле он

[60] Там же. С. 487.

[61] Там же. С. 489, 492.

[62] Сорокин П. А. Система социологии. М., 2008. С. 301.

[63] Там же. С. 305.

[64] Луман Н. Социальные системы. СПб., 2007. С. 155.

[65] Там же. С. 301, 302.

является противоположностью эгоизма, ориентированного на получение личной выгоды в процессе взаимодействия с другими людьми и на оценку других людей по критерию выгодности и полезности для достижения собственных целей – определенного социального статуса, привлекательной должности, высокой прибыли, богатства, общественного признания и престижа.

Еще одна существенная особенность альтруизма заключается в его прямой ценностной соотнесенности *с духовностью,* которая органично взаимосвязана с восприятием высших духовных ценностей, каковыми являются идеал, добро, смысл жизни, любовь. Исходя из этого выдающийся представитель философии жизни, протестантский теолог и врач Альберт Швейцер писал: «Единственная возможность придать своему бытию какой-либо смысл состоит в том, чтобы поднять свое естественное отношение к миру до уровня духовного»[66].

Важным фактором, побуждающим людей совершать альтруистические поступки, является *эмпатия.* Она представляет собой чувствование, постижение эмоционального состояния другого человека доброжелательным сопереживанием. Различают несколько ее видов: эмоциональное, интеллектуальное (когнитивное) и предикативное – предсказывающее переживание другого человека, его аффективное действие в определенных ситуациях. Сущностное ядро эмпатии образует чувственно-эмоциональная отзывчивость личности на негативные и положительные переживания и эмоции другого человека, выражающиеся в формах сочувствия, сопереживания, сорадости, альтруистически ориентированного отношения к другим людям, связанного с мотивами оказания им поддержки и помощи.

Альтруизм тесно связан с чувствительностью справедливости, имеющей фундаментальное значение для этической теории, политической философии и социологии. *Справедливость* концептуализируется как общая социально-нравственная санкция социального взаимодействия людей, рассматриваемая преимущественно под углом зрения сходящихся и сталкивающихся между собой интересов, стремлений, обязанностей. Нормальным основанием справедливости выступает знаменитое «золотое правило нравственности», гласящее «(Не) поступай по отношению к другим людям так, как ты (не) хотел, чтобы они поступали по отношению к тебе». В реальном своем воплощении справедливость предстает как равенство и достоинство всех людей быть благополучными и счастливыми, обладая для этого необходимыми материальными и духовными благами. Она направлена на запрещение какого бы то ни было ущемления интересов других людей и претворение в жизнь обязанности воздавать всем по их заслугам.

В своем реальном осуществлении альтруизм неотделим от стремления человека осуществлять во взаимодействии с другими людьми принцип добра как высшей ценности, побуждающей личность в отношение к другим индивидам и их сообществам делать для них все положительное, хорошее, полезное, проявлять к ним доброту, терпимость, справедливость, а в некоторых случаях и сострадание. Причем – и это очень важно – делание добра осуществляется бескорыстно, без каких-либо расчетов на вознаграждение, как практическая реализация альтруистических побуждений.

Принцип добра в социальном взаимодействии людей реализуется в такой фундаментальной ценности как *добродетель.* Она выражается в качестве деятельностного добра, в стремлении, способности и готовности личности совершать поступки, благотворные для другого человека или социальной группы.

Добродетель множеством взаимодействий связана с осуществлением *милосердия.* Оно предстает в качестве нравственной нормы и ценности, которая воплощается в сострадательной деятельности в готовности помогать любому нуждающемуся человеку. Одной из существенных форм милосердия является *благотворительность,* воплощающаяся в оказании

[66] Швейцер А. Благоговение перед жизнью // Реальность и субъект. М., 2001. Т. 5. С. 4.

отельными лицами и организациями (предприятиями, фирмами, фондами, религиозными сообществами) материальной помощи бедным и нуждающимся, уровень жизни которых находится ниже прожиточного минимума.

Милосердие органично связано с различными проявлениями любви. В своей глубочайшей сущности *любовь* – это одна из высших ценностей, выражающаяся в эмоционально насыщенном отношении к кому или чему-либо, в гармоничном общении и взаимодействии с ним. Она захватывает индивида целиком, делает его Я значимым для другого индивида, который для первого из них также становится ценностно-значимым.

Крупнейший русский философ конца XIX века Владимир Сергеевич Соловьев с глубочайшим убеждением утверждал: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем существом признать за другим безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей жизни»[67].

В своей подлинной и глубочайшей сущности любовь – это не только сильное чувство, но и действенная и деятельная *субстанция.* По словам выдающегося русского философа *Николая Александровича Бердяева,* «любовь – акт творческий, созидающий иную жизнь…, преодолевающий… природную необходимость. В любви утверждается личность, единственная, неповторимая… Творчество любви не знает послушания ничьей воли, оно абсолютно дерзновенно»[68]. Конкретизируя данное утверждение, он продолжает: «Любовь есть путь к раскрытию тайны лица. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир»[69].

Таким образом, любовь выступает как созидательная и творческая сила, как возвышающее человека воплощение альтруизма, как доброжелательная забота о любимом человеке, ответственное отношение к его чувствам и поступкам, стремление последовательно преодолевать эгоистическое себялюбие. Искренне и верно любящий человек стремится уделить своему любимому больше внимания, доставить больше удовольствия и радости, чем самому себе.

Наряду с индивидуализированным видом любви к человеку другого пола существуют и более обобщенные формы любви – к своей профессии, к определенному писателю, театру, футбольной команде и т. п. Одной из самых важных в общественном развитии является любовь к своей Отчизне, родной стране, воплощающаяся в глубоком и возвышающем человека чувстве *патриотизма.* Он представляет собой ценностное отношение человека к своему народу, государству и отечеству, воплощающееся в сложном комплексе идей, чувств и практических действий, направленных на благо своей Родины.

Подводя итог всему изложенному, подчеркнем, что альтруизм чаще всего сопрягается с самоотверженностью, готовностью жертвовать своими интересами ради других людей, ради общего блага, а в некоторых случаях с конкретными поступками человека, направленными на ограничение собственных интересов во имя достижения общего успеха и общей цели. Такая ситуация побуждает анализировать и в процессах воспитания стремиться к осуществлению в различных взаимодействиях людей заимоопосредованности многих интересов человека с общими интересами социальной общности и общества в целом. Поэтому альтруизм выступает в качестве одного из важных показателей человекоориентированности в стремлениях и действиях конкретных личностей в конкретных обстоятельствах их жизни.

---

[67] Соловьев В. С. Смысл любви // Избранное. М., 1990. С. 160–161.

[68] Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 426.

[69] Там же. С. 428.

Глава 4. Человекоориентированность ценностно-нормативной системы личности и общества

В повседневной жизнедеятельности человека важнейшую организующую и упорядочивающую роль выполняет ценностно-нормативная система личности, социальных общностей и общества в целом. В этой многогранной и многомерной, динамично развивающейся системе взаимодействуют два усиливающих друг друга регулятивных потока – ценности и нормы. Находясь в органическом синтезе, каждый из двух названных компонентов единой целостной системы регулятивного влияния на человека и общество обладает внутренне присущей ему спецификой.

Ценности в своей сущности представляют собой обобщенные представления людей о значимых, важных для них объектах и явлениях, поступках других людей, о целях и нормах, описываемых категориями должного, благородного, нравственного, прекрасного и тому подобного. Именно в ценностях выражается деятельно-практическое и заинтересованное освоение человеком мира, следовательно, отношение человека к миру – природному и социальному, к другим людям и к самому себе. Поэтому социальные ценности – это субпродукт активной миропреобразующей и человекоформирующей деятельности субъекта, ориентированной на взаимодействие человека с окружающей действительностью и формирование идеалов и норм, регулирующих поведение отдельных индивидов, их групп и общностей в жизненно важных обстоятельствах. Они служат для индивида и общностей своеобразными критериями или стандартами для выбора самой важной и значимой для них альтернативы ориентации в изменяющемся мире. Такое социальное действие, которое основано на стремлении следовать ценностным стандартам – нравственным, эстетическим, религиозным и т. п., – является ценностно-рациональным, поскольку субъект действия рационально осмысливает и последовательно осуществляет свои ориентации.

Формирующаяся в обществе система социальных ценностей носит иерархический характер, поскольку их различные типы расположены в определенном порядке и субординации по отношению друг к другу, а их иерархический порядок обеспечивает сохранение моральных устоев общества. Однако иерархия социальных ценностей не остается раз навсегда данной, а напротив, изменяется в зависимости от смены обстоятельств, в которых социальные ценности выполняют (или не выполняют) свою регулирующую роль. Проблема социальных ценностей – одна из самых фундаментальных в философии, социологии, психологии, этике, культурологии. Ей придавали первостепенное значение многие выдающиеся философы, начиная со знаменитых античных мудрецов Сократа, Платона и Аристотеля и вплоть до выдающихся философов XX века: неопозитивистов Р. Карнапа, Л. Витгенштейна, Б. Рассела, А. Айера и др.; экзистенциалистов К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю; неотомистов Э. Жильсона, Ж. Маритэна, К. Ранера; конечно же, выдающихся русских мыслителей В. Соловьева, Н. Бердяева, М. Булгакова, В. Ильина.

Выдающийся российский философ второй половины XIX века В. С. Соловьев считал высшей ступенью иерархии ценностей идею всеединства, базирующуюся на человекопреобразующейся миссии христианства «как религии *богочеловеческой».* Претворение в действительность этой идеи, по его убеждению, призвано все действия как отдельного человека, так и всего народа сориентировать на подчинение «высшему нравственному закону». Важнейшим же компонентом этой человекопреображающей деятельности, считал философ, должна стать совесть, ибо «чем ясней и чище становится совесть, тем она… строже различает и тем

решительнее принимает добро и отвергает зло»[70]. Близкие по смыслу позиции в истолковании значимости ценностей отстаивал Н. А. Бердяев, утверждавший, что ключом к пониманию человеческой сущности является принцип «антроподиции», служащий объяснению человека в творчестве и через свободу творчества, в процессе которого человек становится в центр бытия, превращаясь как бы в «солнце мира, вокруг которого все вращается»[71].

Следуя тем же путем философского постижения значимости ценности русско-белорусский философ Н. О. Лосский считал высшей ценностью и конечной целью развития личности достижение абсолютной полноты бытия. По его утверждению, жизнеспособная полнота бытия «достигается приобщением к божественной благости посредством собственного личного творчества, свободного от всякого налета эгоизма и посвященного созданию абсолютных ценностей – моральной добродетели, красоты и истины[72].

Проблема социальных ценностей стала одной из центральных в социологии с самого ее возникновения. Обстоятельную разработку она получила в работах Э. Дюркгейма, который считал, что на важных ценностных идеалах формируются и базируются целые цивилизации. С его точки зрения, в ценностях органически слиты объективные и субъективные компоненты. С одной стороны, утверждал он, «ценностям присуща та же объективность, что и вещам», а с другой, «всякая ценность предполагает оценку, осуществляемую субъектом в тесной связи с определенным состоянием чувств». Дюркгейм исходил из необходимости построения определенной иерархии социальных ценностей, поскольку «существуют различные типы ценностей» – нравственные, эстетические, религиозные, метафизические, в силу чего «религия, мораль, право, экономика, эстетика, – суть не что иное как системы ценностей». Выведенные из этих систем ценностные суждения выступают, в конечном счете, в качестве ценностных ориентиров индивидуальных и коллективных действий людей. Они то и действуют как интегрирующая сила развития общества, проявление его единства.

В социологической концепции ценностей, разработанной М. Вебером, ценностная мотивация поступков рассматривается в качестве одного из четырех основных мотивов социального действия. В его понимании, социальное действие является «ценностно-рациональным, если оно основано на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет». Он утверждал, что ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности предмета любого рода. Такое действие всегда подчинено заповедям или требованиям, в повиновении которым видит свой долг данный индивид. А если человеческое действие ориентировано именно на такие ценностные императивы, мы имеем дело с ценностными ориентациями в повседневной жизнедеятельности людей.

Т. Парсонс в своем учении о системах современных обществ подчеркивал, что одной из четырех функциональных потребностей любого общества (или иной системы действия), наряду с функциями адаптации, интеграции и достижения целей, является воспроизводство образца. Эта функция реализуется как «поддержание основного образца институциализированных в обществе ценностей». Сами же ценности он рассматривал в качестве главного связующего элемента социальной и культурной систем. В его понимании ценностью может быть назван «элемент общепринятой символической системы», выступающий «в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации».

---

[70] Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Соч.: в 2-х т. Т. 1. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 618, 633.

[71] Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 311.

[72] Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Избранное. М.: Правда, 1991.

Таким образом, в социологической доктрине социальных систем и социального действия понятие ценности оказывается органически взаимоувязанным с понятием ценностной ориентации. «В этом смысле, – отмечает Т. Парсонс, – понятие ценностной ориентации является логическим средством для формулировки одного из центральных аспектов выражения культурной традиции в системе действия».

В концепции «социального конструирования реальностей» Т. Лукман провозгласил нравственный порядок фундаментом разумного социального мира, в котором особую роль в качестве всеобщих оснований исторического общественного конструирования выполняют социальные ценности. По его определению, «ценности суть структурные элементы субъективного смысла социального действия. Это – нечто, что имеет значение как желаемое для человека в его будущем, причем оно предпочтительнее других возможностей. Акт оценки приводит, включая выбор схемы действия (который предшествует самому действию), к решению». Он считал, что ценности живут в повседневном опыте человека и его социальных действиях, напоминая ему о прошлом и пролагая ориентиры в будущее. Н. Луман в своей системной теории общества концентрирует внимание на индивидуальных проявлениях ценностных установок в различных по характеру, содержанию поступках людей. Он утверждает: «Ценностность ценности есть та позиция, исходя из которой наблюдают, требуют, ангажируются и обнаруживают себя способными к действованию». Когда речь идет о наблюдении каких-либо явлений, процессов, действий других людей, то требуется, считает Н. Луман, различать ценности и противоценности или ценности и неудовлетворительные состояния. Когда же индивид совершает определенные действия, ценность включается в систему страховки мотивации. Такая ситуация приводит к фиксированию перспективы действования, благодаря чему видят лучше, четче, глубже, а также дальше в будущее, благодаря чему повышается эффективность, а следовательно, и ценность самого действия.

Один из самых существенных и значимых признаков социальной ценности Н. Луман усматривал в том, что они возникают и реализуются в коммуникациях людей друг с другом. В его понимании истоков социальных взаимодействий, «понятие ценностей символизирует аутопоейсис коммуникации», причем аутопойетическая система трактуется как самореферентная, производящая не только свои структуры, но и свои элементы собственными системными процессами. А такой подход означает, что «нет никакого транзитивного порядка ценностей, который мог бы на деле быть применен безотносительно к обстоятельствам как устойчивая иерархия».

Структурные особенности динамической системы индивидуальных ценностей и органично связанных с ними ценностных ориентаций, в том числе и в квантификационном аспекте, исследовались М. Рокичем. Он выделил два основных класса ценностей: ценности-цели и инструментальные ценности. К последним в первую очередь он относил наиболее распространенные в обществе нормы поведения, подчеркивая, при этом, что наиболее приемлемой является такая ситуация, когда инструментальные ценности становятся адекватными ценностям-целям[73].

В Советском Союзе, а затем и в постсоветских странах социальные ценности и ценностные ориентации изучались и изучаются в социологическом ракурсе В. А. Андреенковым, Л. М. Архангельским, Е. М. Бабосовым, Л. А. Беляевой, Н. М. Блиновым, А. Г. Здравомысловым, Н. И. Лапиным, В. Т. Лисовским, Н. Ф. Наумовой, М. Х. Титмой, В. Е. Хмелько, В. А. Ядовым и др. При этом Н. И Лапин, Л. А. Беляева, А. Г. Здравомыслов, Н. Ф. Наумова анализируют динамику ценностей населения реформируемой России, В. А. Ядов, В. А. Андреенков, В. Е. Хмелько рассматривают ценностные ориентации в контексте диспозиционной концепции личности, а Е. М. Бабосов, Н. М. Блинов. М. Х. Титма, В. Т. Лисовский

[73] Рокич М. Природа человеческих ценностей. М.: Мысль, 1973.

прослеживают межпоколенческую трансформацию ценностей и их реализацию в жизненных планах и социальных действиях различных групп молодежи[74].

В размышлениях о ценностях необходимо принимать во внимание тот факт, что само это понятие многозначно. Прежде всего следует учитывать, что ценность – это специфическое социальное отношение, посредством которого потребности и интересы конкретного индивида или социальной группы переносятся на мир различных материальных и духовных феноменов, не всегда рассматриваемых с точки зрения утилитарного назначения этих явлений. В данном понятии выражается значимость (высокая, низкая, никакая) явлений окружающей действительности с точки зрения их соответствия/несоответствия интересам и потребностям личности, социальной общности, общества в целом. Ценность не является жестко зафиксированной: она может изменяться в движении от эпохи к эпохе, от страны к стране и от человека к человеку. Поэтому то, что для одного индивида имеет большую ценность, для другого – малую, для третьего – никакую. При всей своей подвижности и изменчивости ценности способны выступать в качестве целей жизни и основных способов, средств их достижения, являясь тем самым регуляторами, детерминирующими мотивацию личности, ее поведение и деятельность[75].

Одна из важнейших проблем аксиологических теорий ценностей заключается в осознании того, что у человека чаще всего нет выбора, в *каком мире жить,* но всегда существует выбор, *как* жить в этом мире. В современном мире глобальных трансформаций и социальных турбуленций резко активизировалась проблематика исследования и философско-социологического осмысления ценностного выбора человеком своей жизненной стратегии в интенсивно изменяющемся обществе. Поскольку бытие окружающей реальности, согласно концепции М. Хайдеггера, открыто вопрошающему человеческому разуму, а сам этот разум «стоит открытым для открытости бытия»[76], постольку в условиях взаимной открытости человека к бытию и бытия к человеку для человека всегда существует возможность выбора линии своего поведения через призму общественно выработанных и индивидуально воспринимаемых им в качестве значимых для себя ценностей. Важность такого выбора существенно актуализируется при наличии широкого веера альтернативных смысложизненных предпочтений в порождаемых социальными трансформациями нелинейных, поливероятностных, зачастую непредвиденных и парадоксальных траекториях общественного и индивидуального развития и жизнеустройства.

Ценности органически взаимосвязаны как с интеллектуальной, так и с эмоционально-мотивационной и волевой сферами социальной активности человека, обладая вследствии этого многогранной структурной архитектоникой. С точки зрения соотнесенности с основными подсистемами целостной системы общества выделяются такие ценности, как экономические, моральные, социокультурные, религиозные, политические, эстетические, правовые, экологические, познавательные. С точки зрения взаимодействия с субъектами исторического процесса подразделяются ценности общечеловеческие (любовь, истина, красота, нравственность, альтруизм, справедливость) и конкретно-исторические (равенство, демократизм, инновационность и др.). А если рассматривать и интерпретировать ценности в контексте жизненной позиции конкретной личности или социальной группы, то следует принимать во внимание пять каналов современных социальных трансформаций в их ценностных воплощениях: а) *когнитивная структура* воплощенности ценностей в представлениях человека о своей жизни: какова она сейчас, к чему следует в ней стремиться, каковой

---

[74] Бабосов Е. М. Ценности социальные. Социология: энцикл. словарь. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 448–450.

[75] Бабосов Е. М. Модернизационно-творческий потенциал культуры // Модернизация социальных систем. Минск: Беларуская навука, 2014.

[76] Хайдеггер М. Время и бытие. М.: 1993. С. 31.

она должна быть, ради чего и для чего нужно жить и работать; б) *эмотивно-чувственная подсистема:* какие чувства во взаимодействии с окружающим миром наиболее предпочтительны для устойчивой жизненной позиции человека; в) *мотивационная подсистема,* содержащая ценностную ориентацию, какие мотивы и ценностные детерминанты поведения необходимо формировать в себе в качестве смыслоопределяющих в выборе направлений деятельности; г) *мировоззренческая подсистема,* включающая в себя структуру ценностей научных, религиозных, внерелигиозных, атеистических; д) *жизненно-диспозиционная подсистема,* охватывающая собой: активную, пассивную, конформистскую личностные (групповые) ценностные предпочтения и позиции. Такую структурную компоновку ценностей можно представить в виде рис. 4.1.

Рис. 4.1. Основные подсистемы ценностей в жизненной позиции личности

Во всех названных структурных конфигурациях ценностей, в их объективных проявлениях, равно как и в их субъективной воплощенности в индивидуальных и коллективно-групповых ценностных ориентациях, под усиливающимся воздействием социальных трансформаций происходят существенные не только количественные, но и качественные сдвиги, в том числе положительные и негативные. Такая разнокачественность трансформационных процессов, рассматриваемых в ценностных аспектах, в решающей степени детерминируется тем, что в их общий поливероятностный поток в последние десять-пятнадцать лет вторгаются глобальные социальные турбуленции, приводящие к хаотизации социально-экономического, политического, социокультурного развития не только отдельных стран, но и целых регионов. Достаточно вспомнить в связи с этим социальные турбуленции, происходящие в

странах Центральной Африки и на Ближнем Востоке, в ряде стран Западной Европы (Греция, Испания и др.) и в соседней Украине.

Такие цивилизационные турбуленции порождают и расширяют ареалы распространения негативных, в том числе и аксиологических трендов. Выделим из них наиболее отчетливо выраженные аксиологические тренды в современном глобализирующемся мире:

1. Перемещение в ценностных ориентациях индивидов и групп, (прежде всего молодежных) от коллективистской к индивидуалистической направленности, выступающей в качестве императива, которому личность следует в своем поведении и деятельности (например, от утверждавшейся в русском народе на протяжении веков «соборности», а в белорусском – «грамады», в смысле духовного единства нации) к индивидуальности, отчуждению себя от других людей.

2. Снижение значимости моральных ценностей как перспективных стратегических жизненных целей и мотивов повседневного поведения личности и социальной группы.

3. Обесценение общественной значимости труда как превалирующей ценности и преимущественная оценка его как средства удовлетворения личных потребностей и интересов.

4. Превалирование ценностей оплаты труда над ценностью и значимостью интересной работы.

5. Материальное благосостояние в ценностных диспозициях большинства людей, прежде всего молодых, начинает ценится выше личной независимости, самоутверждения и самосовершенствования личности.

6. В широко распространенном стремлении людей к высокому заработку многие из них нередко утрачивают нравственные ориентиры и вступают в противоречие с правовыми нормами, а это снижает значимость осознанной ценностно-нормативной регуляции индивидуального и социального поведения личности и различных общностей.

Охарактеризованные аксиологические тренды в условиях современных социальных трансформаций можно визуализировать в виде схемы, представленной на рис. 4.2.

Рис. 4.2. Негативные аксиологические тренды в условиях глобальных социальных трансформаций

Еще более подвижными и изменчивыми, чем ценности, являются ценностные ориентации. Они представляют собой совокупность разделяемых и реализуемых личностью (социальной группой) социальных ценностей, выступающих в качестве целей деятельности, направленности желаний, стремлений и ожиданий и требующих для своего достижения определенных средств и поступков. Ценностные ориентации представляют собой элементы внутренней структуры личности (или социальной группы), сформированные активно-творческой деятельностью и жизненным опытом. Они отграничивают значимые, существенные для человека и/или группы объекты, явления, поступки и т. д. от незначимых и несущественных, что позволяет интерпретировать их в терминах идеала, долженствования, благородства, красоты, нормы. В социально-психологической структуре личности ценностные ориентации образуют высший уровень предрасположенностей к определенному восприятию условий жизнедеятельности, к оценке этих условий и социальных действий других людей, к определенному поведению как в повседневной действительности (здесь и сейчас), так и в долгосрочной перспективе. Особенно отчетливо регулирующая роль ценностей и их динамических модификаций в поведении индивидов и групп – ценностные ориентации – проявляется в ситуациях, требующих осознанного выбора и ответственных решений, влекущих за

собой значимые последствия и предопределяющих основной вектор жизненного пути человека[77].

Охарактеризованные аксиологические изменения не протекают параллельно и независимо друг от друга, а на их взаимных пересечениях возникают своеобразные узлы меркантилизации и коммерциализации таких сфер жизни, которые по самому своему существу не должны быть рыночными. Они втягивают в свою расширяющуюся орбиту культуру, здравоохранение, образование и науку, что снижает планку их минимально допустимой активности в формировании духовно-нравственного, ценностного мира человека. Более того, в условиях многомасштабной маркетизации некоторые ценности переходят в свою противоположность.

Высокая значимость ценностных ориентаций выражается в том, что они в социальных взаимодействиях людей выполняют роль в глубокопрочувствованной и осознанной ценностно-нормативной регуляции поведения личности соотнесенности, с одной стороны, с поведением других личностей их общностей, а с другой – с господствующими в обществе представлениями о ценном и не ценном, о добре и зле, нравственном и безнравственном, о долге и чести. Поэтому система ценностных ориентаций не остается статичной и неизменной, а трансформируется, иногда очень существенно, от одной эпохи к другой, от народа к народу. В связи с этим важное значение имеет социологическое исследование структуры динамики ценностей в различных странах, в том числе, разумеется, и в Беларуси.

Проведенное в 2013 году Институтом социологии НАН Беларуси репрезентативное социологическое исследование (опрошено 1500 человек во всех регионах страны) показало, что подавляющее количество белорусов самым ценным и значимым для себя считает здоровье (74,3 % от общего количества респондентов) и детей (73,9 %). В ценностной иерархии наших сограждан третье по значимости место занимает супруг(а), любимый человек (63,3 %). На четвертом месте оказалась материально обеспеченная жизнь (56,0 %), затем по степени убывания следуют душевный покой и комфорт (52,9 %), профессионализм в своем деле (37,5 %), интересная работа (33,7 %).

Причем при социологическом анализе ценностей обнаруживаются довольно существенные перепады в оценке их значимости различными возрастными группами. Так, например, общественную пользу своего труда оцениваю выше лица от 50 лет и старше (25,5 %), чем самая молодая возрастная когорта 16–18 лет (22,4 %). А в значимости ценности материального благосостояния выявляется противоположная ориентированность: высоко оценивают материальную обеспеченность 56,0 %, 16-18-летних, по сравнению с 42,2 % лиц старше 50 лет. Относят в число наиболее важных ценностей душевный покой и комфорт более половины (52,9 %) респондентов из возрастной когорты в 50 лет и старше, и только 39,6 % самых молодых респондентов в возрасте 16–18 лет. Выше всех эту ценность называют самой главной в жизни люди, уже достигшие достаточно определенного и устойчивого социального положения, возраст которых колеблется в пределах 30–39 лет.

Наряду с охарактеризованными индивидуально-личностными ценностными ориентациями и их представленностью в различных возрастных группах современного белорусского общества не менее существенное значение имеет ценностно-нормативная регуляция поведения людей в более широких социальных рамках, определяющих ценностное предпочтение в системе координат: личность-государство-общество. При рассмотрении ценностных суждений в этом ракурсе важно подчеркнуть, что три четверти (74,9 %) опрашиваемых граждан в июле 2014 г. (из 1498 респондентов) назвали важнейшей ценностью тот факт, что Беларусь состоялась и действует как внутри страны, так и в международных отношениях в качестве самостоятельного и независимого государства. Примечательно, что в самой млад-

[77] Бабосов Е. М. Ценностные ориентации. Социология: энцикл. словарь. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 450.

шей возрастной группе до 22 лет такую позицию в ценностных суждениях занимает еще более внушительная доля среди респондентов – 78,5 %. Более четырех пятых от общего массива опрошенных (81,1 %) убеждены, что и в перспективе до 2030 года наша страна будет неуклонно развиваться как независимое государство, сохраняя свою территориальную целостность и суверенитет.

К разряду высших социальных ценностей белорусский народ относит патриотизм, а из общего количества опрошенных более двух третей (68,7 %) считают себя патриотами страны. Высоким ценностным статусом обладает в белорусском обществе и последовательно реализуемый принцип справедливости – 69,7 % респондентов убеждены, что не только в настоящее время, но и в ближайшие пятнадцать лет важнейшим ценностным императивом является и останется утверждение в общественной жизни законности и порядка, справедливости и солидарности, социального партнерства и ответственности. Почти такое же число – 69,1 % от общего количества респондентов убеждены: не только в настоящее время, но и к 2030 году Беларусь будет социально справедливым обществом. Высоко оценивается в Беларуси и значимость гражданственности – 66,9 % респондентов отмечают значимость именно данной ценности в объединении и консолидации людей в единую государственную целостность.

Чтобы ценностные убеждения личности соответствовали духовно-нравственному развитию нашего общества, необходимо развитие ценностных ориентаций формирующегося индивида органично соединять с ведущей для него сферой деятельности будь это учеба, работа или служба в армии. Ведь чем сложнее эта деятельность, тем более плотно включается она в ценностно-ориентированные взаимодействия индивидов и социальных общностей и тем эффективнее протекает процесс осознания человеком, с одной стороны высокой ценностью собственной личности, а с другой, тем активнее включается он в усвоение ценностей общества, интериоризацию их в свое повседневное поведение.

Конечно, в противодействии негативным аксиологическим трендам в современном обществе и снижении масштабности их распространения способны выполнять позитивную роль не только ценностные ориентации, но и нормы нравственности, представляющие собой предписания, требования общества к своим гражданам в форме правил, образцов поведения, необходимых для согласования личных и общественных интересов. Нормы нравственности (в более широком истолковании – социальные нормы – в своем содержательном воплощении объективны, неперсонифицированы и действуют в отношениях между индивидами и их общностями как эталоны установления должного (с точки зрения общества) поведения, выполняя тем самым функции интеграции и упорядочивания жизнедеятельности личности, социальной группы, общества.

Если ценности и нормы действуют в обществе в унисон друг с другом, то возникает ценностно-ориентационное единство, означающее общность взглядов на основополагающие ценности, приводящее к стабильности и устойчивости в развитии общества и государства на основе согласованности позиции людей в понимании и реализации таких ценностей, как Родина, патриотизм, солидарность, справедливость и т. п.

Основным социальным механизмом обеспечения ценностно-ориентационного единства в обществе является ценностно-нормативная регуляция поведения и деятельности людей. Чтобы такая регуляция была не только эффективной, но и благотворной, необходимо учитывать, что каждой личности присуща индивидуально-специфическая иерархия ценностных ориентации, выступающих связующим звеном между ценностной системой общества и духовно-нравственным миром личности. В силу своеобразия этого мира согласование личностных предпочтений с ценностными регуляторами общества не всегда происходит без проблем, оно может приобретать и противоречивую, даже конфликтную конфигурацию. В последнем случае возникают противоречия между ценностно-нормативной системой

социальной общности, с одной стороны, и ценностно-нормативной системой отдельной личности, которая ориентируется только на свои интересы игнорируя интересы, окружающей социальной среды. Вот здесь-то должна проявляться интеграционно-консолидирующая роль ценностно-нормативной регуляции.

Основное предназначение ценностно-нормативной регуляции в поступках и действиях человека состоит в том, чтобы ориентация личности на определенные ценности не только переживалась субъектом действия как свободное проявление его индивидуальности, но и как диктуемый обществом трансцендентный индивидуальному Я императив, которому необходимо следовать в своих помыслах, стремлениях и действиях. Такая регуляция осуществляется на всех этапах социализации личности и приводит к усвоению ею объективированных предметных форм ценностей, признавая их в качестве таковых ближайшим ее социальным окружением и обществом в целом. В таком случае происходит интериоризация личностью социальных ценностей и превращение их в индивидуализированные формы ценностных ориентаций и базирующихся на них целенаправленных действиях.

Центральным элементом ценностно-нормативной регуляции личности и социальной общности как раз и является норма как выработанный и признанный в обществе обязательный эталон, стандарт, способ регуляции поведения, закрепленный правовыми установлениями, моральными или лингвистическими предписаниями (например, нормативная или ненормативная лексика). Когда мы акцентируем внимание на особенностях нормативной регуляции поведения индивидов и социальных групп, то необходимо иметь в виду, что во взаимодействии людей друг с другом функционирует множество различных норм. Существуют и оказывают влияние на взаимоотношение между людьми нравственные, эстетические, политические, юридические, технические, лингвистические и иные нормы. В свою очередь, каждая из названных групп нормотворчества может быть подвергнута дальнейшей структурации и компоновке. В частности, в экономической сфере жизнедеятельности людей действует норма выработки, воплощающая в себе количество продукции (работы), которое должно быть произведено в единицу времени (час, смену и т. д.). Норма амортизации, т. е. доля стоимости средств, ежегодно относимых к расходам, норма накопления, норма прибыли, норм расхода сырья и материалов, норма времени (регламентированная величина рабочего времени на производство единицы продукции), норма обязательных резервов банков и др.

Еще более широкий спектр норм используется в правовой сфере взаимоотношений между людьми. В современном обществе активно применяются нормы гражданского права, хозяйственного права, трудового права, семейного права, конституционного права, административного права, уголовного права, таможенного права, международного права, финансового права, земельного права, налогового права, информационного права. Каждая из названных правовых норм имеет свою четко очерченную сферу применимости, что связано с соблюдением гражданами страны конституционно гарантированных им прав в органической взаимосвязи с их гражданскими обязанностями.

В настоящее время в связи с развертыванием с начала 2015 г. функционирования Евразийского экономического сообщества, возрастающую значимость приобретает многоаспектная и кропотливая работа по гармонизации и унификации белорусских нормативных правовых актов с законодательством стран-участниц данного Договора. При этом важнейшее значение в таком согласованном нормотворчестве приобретает усиление человекоориентированности, благотворности для человека разрабатываемых и осуществляемых способов нормотворчества. И все же, о каком, в действительности, нормотворчестве и нормоосуществлении не велась бы речь, всегда необходимо иметь ввиду, что любая высокоорганизованная и эффективно действующая система всегда базируется на системе ценностей. Активизировавшиеся после распада Советского союза лидеры и идеологи глобализма, спро-

ектированного по американскому образцу, навязывающие западные измерения ценностей однополярного мира, неожиданно для самих себя обнаружили, что современный глобализирующийся мир становится не однополярным, а многополярным. Поэтому многие западные интеллектуалы, в частности, известный британский историк и политолог Марк Мазовер, с нескрываемой тревогой утверждают, что западные ценности не такие уже и победоносные, какими их принято считать на Западе. Существующий же в настоящее время кризис в международных отношениях, по его убеждению, имеет как минимум один положительный эффект: он позволяет осознать ошибочность долгое время господствующих на Западе идей и теорий[78].

Поэтому идущие из западных стран призывы ко всему миру воспринимать ценности потребительского общества и переносить их к себе, чтобы достичь материального благополучия, оказываются несостоятельными. Мы должны учитывать, что современная цивилизация в глобализирующемся мире вступает в такой этап развития, когда этот мир сотрясается целым шлейфом взаимосвязанных кризисных процессов: экономическим, социокультурным, антропологическим кризисом и кризисом нравственных ценностей. И в качестве основного противоядия столь негативному развертыванию кризисных процессов должно стать возрастание значимости ценностных ингредиентов духовного мира человека. Ведь первопричина кризиса нравственных ориентиров, снижение их роли в жизни человека коренится в свойственном ему мире ценностей. Такой кризис выводит ценностно-ориентированные общества из состояния самоуспокоенности и спячки, побуждает активно искать и находить способы и пути его преодоления. Как невозможно достичь счастья человека без нравственного начала, так невозможно построить эффективную экономику и социальную сферу без ценностно-нравственного их измерения.

А чтобы достичь желаемых успехов в этом направлении, необходимо целеустремленно и эффективно решать несколько взаимосвязанных созидательных задач. Основные из них заключаются в следующем:

1. Совместными усилиями школы, вуза, учреждений культуры и науки формировать и развивать, начиная с детских лет, креативность мышления и действий человека.

2. Усилить нравственную ориентированность науки, ответственность ученого – и моральную, и профессиональную, и социальную – за результаты его труда и человекомерную направленность их практического применения.

3. Ограничить масштабы девиантных отклонений в структуре личностных и общественных ценностей, возникающих под воздействием телевидения, Интернета, социальных сетей, бездумно воспринимающих и распространяющих бездуховные, безнравственные в своей сущности сюжеты, навеянные тлетворным влиянием широко распространенных в западных странах, красочно заманчивых псевдокультурных антиценностей.

4. В формировании духовно и социально возвышающей личность системы ценностных ориентаций необходимо и в учебных заведениях, и в трудовых коллективах, и в деятельности учреждений науки и культуры, общественных организаций более целенаправленно и продуктивно использовать благотворный для человека духовно-нравственный потенциал классической художественной литературы, театра, музыки, кинематографа, раскрывающих все богатство подлинно человеческих качеств личности, созидательную силу ее высоких чувств, мыслей, чистоты духовных побуждений.

5. Нуждается в более многообразном развитии накопленной и в России, и в Беларуси духовно-нравственный опыт взаимного уважения, взаимовлияния и взаимообогащения различных национальных культур, воплощенный в ценностных ориентациях наших народов.

---

[78] Мазовер М. Мир больше не слушает глухих пророков Запада // Financial Times. 14 april. 2015

6. Все эти направления могут успешно реализоваться в своих возможностях только в случае осуществления духовного, культурного, национального, нравственного самоопределения, без чего, а также без патриотической любви к Отчизне, которая наиболее ярко проявилась в героических подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны, невозможно успешно противостоять вызовам, которые выдвигают перед нами коренные социальные трансформации и глобальные социальные турбуленции в современном мире (рис. 4.3).

Рис. 4.3. Задачи совершенствования ценностно-нормативного регулирования деятельности человека

Эти направления ценностно-нормативной регуляции, усиливая друг друга во своем взаимодействии, могут обеспечить высокий духовно-энергетический синергетический эффект противодействия негативным антиценностным трендам, возникающим в социальных трансформациях глобализирующегося мира, в том числе в России и Беларуси. Сам же многоаспектный многокомпонентный процесс совершенствования ценностно-нормативного регулирования поступков и действий человека становится важным социальным каналом усиления человекопреобразующей и человековозвышающей роли ценностно-нормативной системы личности и общества.

Глава 5. Человекорождающая и человековозвышающая сущность демографической системы

В обширном и многообразном пространстве социальных систем, структурным ядром и целостно-организующим центром которых является человек, весьма существенными отличительными особенностями выделяется демографическая система. Бесспорно, в мире нет ни одного человека, который бы вследствие вполне понятных естественных причин не был бы активным или пассивным участником и продуктом демографических процессов. Столь же бесспорно, что реальное состояние, возможности и перспективы развития любого народа и любого государства определяются не только его экономическим, научно-техническим и военным могуществом или социокультурной развитостью, но и состоянием и динамикой воспроизводства народонаселения, его количественными и качественными параметрами. А наукой, которая исследует основные тенденции и особенности воспроизводства населения, зависимость его характера и направленности от социально-экономических, политических, социо-культурных и природных условий, особенностей его внутренней и внешней миграции, социодинамику численности, состав населения и его территориальное размещение и их изменениях как раз и является демография. Но когда мы начинаем рассуждать о воспроизводстве населения, то неизбежно приходим к умозаключению, согласно которому нет и не может быть воспроизводства населения страны без и вне воспроизводства отдельного, конкретного человека. Исходной и составной единицей изучаемой совокупности демографической системы является именно человек, который обладает целостной совокупностью количественно-качественных характеристик – пол, возраст, семейное положение, образование, социо-культурная развитость, национальность, род занятий, гражданственность и т. д. Поэтому в фокусе внимания демографии неизбежно оказывается человек, его рождение, развитие, здоровье и, в конечном счете, смертный исход его жизненного пути.

Согласно верному утверждению известного белорусского экономиста и демографа, профессора А. А. Ракова, «демография обеспечивает дизайн, архитектуру, сбалансированность производства и воспроизводства популяции. В отличие от производства других товаров, которое требует вмешательства извне, воспроизводство и производство человека и популяции превращается самим человеком, самой популяцией. Демография, опираясь на другие науки, может содействовать самодетерминированности социального популяционного процесса в интересах производства и воспроизводства популяции более высокого качества»[79].

Но демография – это не просто человекомерная и человекоориентированная сфера научного знания, это еще – и это самое главное в ней – человекорождающая деятельность людей. Этой многоаспектной сущностью демографии предопределяется и многокомпонентность ее структурной архитектоники. Основными ее структурными компонентами являются: а) теоретическая демография; б) демографическая статистика; в) описательная статистика; г) формальная демография; д) математическая демография; е) экономическая демография; ж) социальная демография; з) медицинская демография; и) этнодемография; к) социологическая демография; л) геодемография; м) демография семьи; н) военная демография; о) политическая демография; п) историческая демография.

[79] Раков А. А. Демографический ритм и перемены. К познанию белорусского социума. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 25.

Столь обширный реестр различных аспектов и направлений исследования демографической системы и вытекающих из ее результатов прикладных демографических разработок свидетельствует, насколько широк диапазон интересов, забот, задач и практических применимостей этого обширного комплекса знаний, социальных технологий и практически-регуляционных действий, который называют демографией. Этот широкий диапазон результатов, оценок, задач, методов, социальных технологий и прикладных разработок вполне может быть применен в нациостроении, приобретая, конечно же, в любой из них некоторые специфические страновые особенности и модификации.

Такой принцип, примененный к анализу осуществляемой в Республике Беларусь демографической политики и способов ее практической реализации, предполагает необходимость учета того, что сам подход к оценке динамики и перспектив демографического развития, независимости и суверенитета Беларуси, успешно реализующей свою собственную, соответствующую коренным интересам народа, модель социально-экономического развития, становится принципиально иным в сравнении с тем периодом, когда она представляла собой лишь часть огромной страны. В настоящее время и в исторической перспективе население Беларуси – это уже самостоятельная демографическая сообщность, изменяющаяся главным образом за счет естественного воспроизводства и только в незначительной степени под влиянием внешней миграции. Обретя государственную независимость и будучи поставленной в качественно новые политические, экономические, социальные, социокультурные условия, наша республика собственными силами и присущими белорусскому народу способами решает возникающие проблемы и задачи в развитии демографических процессов. К тому же развитие рыночных отношений требует нового взгляда на определение благоприятности (либо неблагоприятности) социально-демографического состояния населения как важнейшего компонента социально-экономического потенциала страны.

С учетом изложенного необходимо принять во внимание, что первое двадцатилетие XXI века ставит перед белорусским народом новые крупномасштабные проблемы. Назовем только некоторые из них. Это, прежде всего, необходимость обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны. Это переход экономики и других сфер жизнедеятельности общества на инновационный путь развития на основе целенаправленного применения научных знаний, новых технических средств и высокоэффективных технологий. Это достижение нового, более высокого качества жизни народа. Это создание устойчивых количественных и качественных параметров воспроизводства населения и обеспечение демографической безопасности страны. На последней (отнюдь не по значимости) из названных проблем мы и остановимся с возможной основательностью.

В начале XXI столетия многие люди в разных странах, в том числе и Беларуси, обнаружили, что происходящие ныне изменения в интенсивности рождаемости и смертности затрагивают судьбы не только отдельных людей, но и составляют одну из важнейших проблем, которую приходится решать на государственном уровне. Это в полной мере относится и к Республике Беларусь, демографическая ситуация в которой в последние годы характеризуется выходом в состояние депопуляции (уменьшение абсолютной численности населения) и снижение уровня демовоспроизводства.

При вдумчивом рассмотрении воспроизводство населения понимается как процесс его самосохранения в ходе непрерывных изменений. Причем в широком смысле под самосохранением следует понимать не только количественное бытие народа данной страны, но и сохранение, и развитие его так называемого культурно-исторического генома, являющегося национально-культурным и психологическим «генокодом» и представляющего собой про-

грамму развития, систему основных ценностей, установок и доминант в цивилизационной динамике данного народа[80].

Демографическое развитие всегда тесно связано со всеми социально-экономическими трансформациями, происходящими в обществе, но не является их автоматическим следствием, а обладает относительной автономией от них. Это обусловлено тем очевидным обстоятельством, что компоненты естественного демографического воспроизводства – рождаемость и смертность – складываются из множества происходящих в определенное время и в определенных социально-экономических условиях индивидуальных актов рождений и смертей конкретных людей.

Такое множество индивидуальных судеб, каждая из которых имеет свою неповторимую траекторию, рассматриваемое в своей множественной совокупности, создает общую панораму демографического развития того или иного народа, характеризующуюся определенными тенденциями. Взаимопереплетение социально-экономической обусловленности демографических процессов и их относительной автономии от такой обусловленности наглядно проявляется в движении так называемых «демографических волн» – постоянном чередовании многолюдных и малолюдных поколений в возрастной структуре распределения населения.

Возникновение и углубление ниспадающего участка демографической волны, в младшем возрастном диапазоне, приведшее к глубокому демографическому кризису в постсоветских странах в первой половине 90-х годов XX в., было вызвано не одной, а множеством причин, целым их многоуровневым каскадом. Обостренный драматизм деформации динамики демографических процессов здесь обусловлен тем, что в последнее пятнадцатилетие XX в. население Беларуси оказалось в жестких тисках двойной катастрофной спирали – чернобыльской трагедии и развала СССР. Эти две крупномасштабные катастрофы, имеющие глобальные последствия, сопровождаются длительным посткатастрофным периодом, в процессе развертывания которого с необычной интенсивностью проявляется острейший дефицит компонентов жизнеобеспечения человека. Наиболее драматичные факторы этого разрушительного процесса таковы: резкое уменьшение объемов и темпов производства валового внутреннего продукта, возрастающее снижение уровня материального обеспечения большинства населения; разрушение духовно-нравственных устоев общества, резкое ослабление управляемости обществом и его основными сферами, нарастающая по экспоненте эскалация технологических, экологических, лично-жизненных катастроф, ужасающее ухудшение здоровья во всех возрастных контингентах, нарастающее превышение смертности над рождаемостью. Каждый из этих факторов, усиливая друг друга, приводит к системному негативному процессу эмерджентного характера – угасанию демографической активности мужчин и женщин и (как следствие этого) к возрастающему недовоспроизводству населения.

Далеко не последнюю, а, скорее всего, первостепенную роль в этом многоэлементном конгломерате каузально-следственных сцеплений сыграли духовно-идеологические факторы. Среди них приоритетную значимость имело почти бесшумное, унылое, разъедающее сердца и души людей поражение Советского Союза в почти полувековой холодной войне с блоком западных стран, объединившихся вокруг США. В ходе этой войны, в которую североамериканские банковские воротилы и послушные им правительства вложили немало триллионов долларов, в СССР была создана мощная и широкая разветвленная «пятая колонна», к которой гласно, а чаще негласно, явно, а скорее всего, неявно примыкали многочисленные группы диссидентов из числа художественной, научной, политической элиты, т. е. тех людей, которые создают духовный настрой общества. Этот духовный климат оказался лишенным

[80] Казначеев В. П. Демография как зеркало генезиса человеческого капитала // Человеческий капитал. 2008. № 1(7). С. 77.

веры в будущее, пронизанным различными проявлениями пессимизма, уныния, упадничества. Формировавшиеся в этом климате молодые люди – потенциальные родители – стали, в отличие от предшествующих поколений советской молодежи, на приоритетные места в системе ценностей выдвигать не добросовестный труд и достижение высокого уровня культуры и нравственности, а прагматически понимаемое материальное благополучие, удачу, покровительство богатого спонсора и т. п. Проводимые в Беларуси социологические опросы показывают, что почти каждый пятый респондент (19 %) свое жизненное кредо выражает в сентенции «Смысл жизни не в детях, а в улучшении собственного благополучия». Разумеется, такие умонастроения, сопряженные порой у молодых людей с нелегкими материальными условиями повседневной жизнедеятельности, никак не могут способствовать деторождению.

Сложный и противоречивый конгломерат социально-экономических, духовно-нравственных факторов, приведших в своем взаимодействии к отчуждению многих людей, особенно молодых, от базовых ценностей белорусского народа, среди которых всегда присутствовало высокое уважение к матери, привязанность к семье, оказал негативное воздействие на главные демографические процессы: рождаемость и смертность.

Было бы большим упрощением объяснять свойственное большинству населения Беларуси стремление к малодетному репродуктивному поведению только действием социально-экономических факторов. Разумеется, воздействие этих факторов на демографическую активность населения бесспорно. Как уже отмечалось, возникший в период распада Советского Союза острейший дефицит для большинства населения основных компонентов жизнеобеспечения привел к угасанию демографической активности. По мере преодоления экономического кризиса в Беларуси и снижения негативного воздействия последствий Чернобыльской катастрофы отрицательное давление социально-экономических условий на уровень рождаемости снижается. Однако же одновременно, по мере повышения благосостояния, усиливается давление на этот процесс других факторов. Среди них приоритетное значение начинает приобретать глубоко укоренившаяся в постиндустриальной западной цивилизации и во многом заимствованная оттуда система ценностей относительно обеспеченных семей, в которой возрастает привлекательность низкой рождаемости («цивилизационный эгоизм»). Многие современные молодые люди, независимо от того, состоят или не состоят они в браке, стремятся быстрее обеспечить себе получение высшего образования, продвижение вверх по карьерной и имущественной лестнице, не отказываясь при этом от комфорта и удовольствий, а это далеко не всегда согласуется с наличием детей.

Для процесса рождаемости в Беларуси в последние годы стала характерна еще одна особенность: сокращение количества детей, рожденных в браке, происходит одновременно с увеличением уровня внебрачной рождаемости. Наибольшая интенсивность внебрачной рождаемости проявляется в младшей репродуктивной группе женщин (15–19 лет), а также в среде женщин, проживающих в сельской местности. Причины низкой рождаемости объясняются не столько материальными трудностями, сколько снижением значимости в обществе общечеловеческих, в том числе семейных, нравственных и религиозных ценностей и их ориентиров. Это приводит к пониженной ценности семьи и детей, сокращению потребности в детях до минимальных размеров, когда эталоном признается чаще всего однодетная семья. Трансформация репродуктивных установок в молодых семьях вследствие изменения социального статуса женщины в процессе приобретения ею новых социальных функций, а также новых социокультурных установок, привела к преобладанию однодетных и росту доли бездетных семей. Данный процесс оказывает существенное влияние на широко распространенную в современном белорусском обществе демографическую тенденцию снижения рождаемости.

В настоящее время в Беларуси почти 70 % семей, воспитывающих детей, имеют только одного ребенка. А такая ситуация сокращает демовоспроизводственные ресурсы страны и таит в себе угрозы для ее национальной безопасности. Поэтому Президент страны А. Г. Лукашенко на состоявшемся в августе 2014 г. совещании по формированию нового социального механизма поддержки семей выдвинул в качестве стратегической задачи обеспечение роста численности населения Беларуси. Он поручил правительству вместе со специалистами из различных министерств и ведомств с привлечением широкой общественности разработать проект «Большая семья». Сущность данного проекта заключается в следующем: при рождении третьего ребенка каждой семье на депозитный счет в банке будет перечислена сумма в размере десяти тысяч долларов. Выплаты будут произведены и тем, у кого родился четвертый, пятый и последующий ребенок. Общий принцип один для всех семей: в течение срока проекта сумма зачисляется один раз при рождении ребенка, начиная с третьего. Деньги будут ежегодно индексироваться с учетом инфляции. Использовать их можно после достижения ребенком 18 лет. Исключение – чрезвычайные ситуации, например, тяжелая болезнь кого-то из членов семьи, когда можно эти средства снять со счета раньше. По подсчетам разработчиков к 18-летию ребенка семья получит на руки ориентировочно 14 тысяч долларов. Деньги можно потратить на улучшение жилищных условий, формирование дополнительной пенсии матери, ими также можно оплатить услуги образования и здравоохранения. Источником реализации проекта станут средства Фонда национального развития. Ежегодно потребуется 1,8 триллиона рублей, а всего за 5 лет действия проекта намечается поддержка многодетных семей, в течение которых будет израсходовано 700–800 млн долларов. В дополнение к этому весной 2015 г. широкой общественности был презентирован новый международный гуманитарный проект «Поддержка Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, осуществляемый при финансовой поддержке Российской Федерации, Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ). Рассчитан проект на 30 месяцев и продлится до декабря 2017 года. Общая сумма финансирования составляет более миллиона долларов. 900 тыс. из них выделяет правительство России, 180 тыс. – (ЮНФПА) из Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ). Основная задача сформулирована так: совершенствование системы мониторинга и оценка эффективности демографической политики и улучшение системы демографического образования в стране. Главными составляющими частями проекта станут масштабное академическое социологическое исследование «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» и специальные образовательные программы по демографии и профильных специалистов и студентов ВУЗов[81].

Приведенные крупномасштабные прожективные намерения белорусского государства в сфере демографического развития имеют под собой серьезные общественные основания. Произошедшие в последние 5 лет позитивные социальные изменения, выражающиеся в повышении благосостояния и качества жизни людей, в совершенствовании здравоохранения, привели к появлению некоторых позитивных изменений в демографической сфере. Численность населения в Беларуси к концу первого полугодия 2015 г. составила 9485,3 тыс. человек и по сравнению с началом этого года увеличилась на 474 человека, а естественная убыль населения в первом полугодии 2015 г. по сравнению с соответствующим периодом 2014 г. увеличилась на 1897 человек. Число родившихся в первом полугодии 2015 г. составило 548 человек, а в расчете на 1000 человек населения 12,0, превысив при этом соответствующие показатели такого же периода 2014 г. Позитивные сдвиги в демографии пока еще

[81] Утиленок Г. Новости демографического фронта // Беларусь сегодня. 2015. 2 апреля.

не столь велики, как этого хотелось бы, но важно, что они существуют и имеют тенденцию к возрастанию. Социодинамика численности населения Беларуси отражена в табл. 5.1.

Таблица 5.1. **Численность населения Беларуси**

Численность населения	1995	2000	2005	2011	2015
Всего, тыс. чел.	10210,4	10019,5	9800,1	9481,2	9485,3
Из общего числа, %					
мужчины	46,8	46,9	46,8	46,5	
женщины	53,2	53,1	53,2	53,5	

К тому же следует принимать во внимание тот факт, что в белорусском народе одной из основных базисных ценностей считается семья и дети. Ежегодно проводимые Институтом социологии НАН Беларуси исследования общественного мнения убеждают в том, что в существующей в нашей стране иерархии ценности наиболее высокими значениями обладают семья и рождение детей – так считают свыше 82 % от общего массива респондентов. При этом более 77 % опрошенных утверждают, что именно семья помогает им справиться с различными жизненными трудностями, а каждые семеро из десяти респондентов говорят, что все лучшее, что они делают в жизни, осуществляется ради детей и благополучия своей семьи. Наблюдаемые высшие оценки места и роли семьи в жизни человека обусловлены тем, что в этой первичной ячейке общества создается эмоционально насыщенная любовью, заботой, вниманием, социально-психологическая атмосфера, удовлетворяющая извечную потребность человека в любви и личном счастье.

Отдавая должное всем этим оценкам, отметим, однако, что вербальное их воплощение обычно представляются более привлекательными и высокими, чем реальные жизненные планы и ситуации. Социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г. показали: считают идеальным наличие в семье двоих детей более половины опрошенных (51,2 %), а планируют иметь в своей семье 30,9 % опрошенных, т. е. на 20,3 % меньше потенциальных родителей. А бесстрастные статистические данные свидетельствуют, что в том же 2014 г. реально имели в своих семьях только 28,9 % жителей Беларуси.

Правда, многие опрашиваемые социологами наши сограждане смотрят на перспективы деторождаемости в ближайшие 15 лет с достаточной долей оптимизма. 44,5 % от их общего количества полагают, что большинство белорусских семей к 2030 г. будут иметь двоих детей, а 17,9 % даже считают, что количество детей в семьях за этот период составит трое детей, а однодетные семьи по мнению 21,9 % респондентов станут меньшинством.

Такие прогнозные суждения тесно сопрягаются с мнением, высказанным тремя четвертями респондентов (75,8 %), согласно которому основной формой семьи в ближайшие 10–15 лет останется зарегистрированный брак мужчины и женщины, а выражают несогласие с такими суждениями только 12,2 % от общего количества опрошенных. Правда, одновременно с этим многие жители Беларуси полагают, что в ближайшие 10–15 лет возрастет количество свободного (незарегистрированного) сожительства мужчины и женщины: такое мнение твердо отстаивают 21,4 % опрошенных, а еще 39,8 % считают такое развитие событий в семейно-брачных отношениях вполне возможным.

Одна из негативных тенденций в социодинамике демографической ситуации в Беларуси заключается в постоянно возрастающем количестве рождений детей вне зарегистрированного брака. Если в 1970–1980-х годах XX ст. доля внебрачных рождений в нашей стране поддерживалась на уровне 8–9%, то в последующие годы происходит стремительное увеличение данного показателя. В 1993–2000 гг. доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, составила от 10,9 до 18,6 %, в 2001–2010 гг. она в среднем

составила 22,3 %, а начиная с 2011 г. снизилась с 19 % и вплоть до конца 2013 года до 16,1 %. Это очень положительная тенденция в развитии деторождения как важнейшего демографического процесса в стране. Тем не менее данная тенденция не столь уже ярко выраженная, но хотелось бы видеть и ее перспективы. Пока еще высокий процент детей, рождающихся вне брака, составляет одну из негативных ситуаций в развитии деторождения.

Нельзя оставлять без внимания то обстоятельство, что в последние несколько лет из-за возрастающего количества рождения детей вне брака растет численность неполных семей. Дети в таких семьях с самого появления на свет оказываются ущемленными не только в материальном положении, но и находятся в сложном социально-психологическом климате. Такая ситуация детерминируется несколькими факторами социально-экономического и психологического характера, среди которых определяющую роль выполняет изменение брачного поведения молодых людей. Повышение контрацептивной культуры, либерализация семейной и половой морали, стремительное изменение условий и стереотипов повседневной жизнедеятельности привели к снижению регистрируемой брачности. Нарастает семейная мобильность мужчин и женщин, которая проявляется в формировании различного рода свободных союзов, частично обладающих основными признаками брачных отношений. Молодые люди нередко заключают так называемые «пробные браки», с необычайной легкостью меняют сексуального партнера, живут в браке, но сознательно воздерживаются от деторождения. Происходит «омоложение» внебрачной рождаемости, которая чаще всего становится характерной для младшего репродуктивного женского возраста (15–19 лет). При выяснении причин низкой рождаемости и возрастания количества внебрачных деторождении следует иметь ввиду обусловленность таких явлений не столько материальными трудностями, сколько ослаблением значимости в жизни современного человека, прежде всего молодого, семейных, нравственных и религиозных ценностей, приводящем к снижению статуса семьи, когда оптимальным все чаще признается однодетная семья.

Развитие любой семьи множеством реально ощутимых, а порой и незримых нитей тесно связано со всеми сферами общественной жизни – и экономической, и политической, и социо-культурной, и нравственно-воспитательной, и социально-психологической, но наиболее ощутимую связь семья в большинстве случаев испытывает с социальной сферой. Именно в этой сфере решаются вопросы о выделении места в детский сад ребенку, путевку в оздоровительный лагерь, оказании содействия в санаторно-культурном лечении детей и взрослых. Социологические исследования свидетельствуют, в первую очередь, о трудностях, испытываемых семьями в таких направлениях, как ситуация в здравоохранении (44,2 % респондентов), жилищная проблема (строительство жилья – 37,5 %), требующие существенного улучшения ситуации в области жилищно-коммунального хозяйства (23,3 %). Трудно изживающиеся упущения и недостатки в названных направлениях развития социальной сферы оказывают сдерживающее воздействие как на создание новых семей, так и на рождаемость детей.

В социодинамике демографической ситуации в стране вторым по значимости процессом после рождаемости является смертность. Именно эти два процесса, противопоставленные по своей сущности и направленности, формируют естественное движение населения, его воспроизводство. Изучение статистики смертности необходимо для разработки и осуществления эффективной социальной политики, включая здравоохранение и социальную защиту. Смертность связана с рождаемостью не только по принципу противоположности, но и по принципу обусловленности: чем ниже рождаемость, тем ниже в составе населения доля детей, тем больше доля старых и пожилых людей, следствием чего становится увеличение общего уровня смертности. Высокий уровень смертности (в Беларуси она примерно в 1,5 раза выше, чем в экономически развитых странах) является самой негативной социально-демографической характеристикой социодинамики населения. Причем самым небла-

гоприятным следует считать чрезмерно высокую смертность в трудоспособном возрасте (главным образом у мужчин). Это наносит серьезный социальный и экономический ущерб стране.

Высокий уровень смертности напрямую связан с продолжающимся негативным демографическим процессом – депопуляцией, а депопуляция, в свою очередь, связана со старением населения. Старение населения Беларуси, масштабы которого за последние 40 лет практически удвоились, является одним из длительно действующих факторов продолжающейся в стране с 1993 г. депопуляции. Число умерших к середине 2015 г. превысило количество родившихся на 6,2 %. Если не удастся прекратить эту негативную тенденцию, то к 2020 г. количество нетрудоспособного населения в стране возрастет на полмиллиона человек. Следует учитывать, что в настоящее время в детородный период вступает поколение трудных для большинства людей девяностых годов, когда рождаемость была очень низкой, а в пенсионном возрасте сейчас находятся люди, появившиеся на свет в первые послевоенные года с характерным для них беби-бумом. Такая ситуация оказывает негативное воздействие на социодинамику рождаемости и смертности, приводят к превышению второй над первой. А это, в свою очередь, ведет к росту нагрузки на работающее население и отрицательно влияет на систему здравоохранения и социальной защиты населения, ухудшение перспективы пополнения экономики и других сфер жизнедеятельности трудовыми ресурсами.

Достижения в области экономики и научно-технического развития, повышение благосостояния людей, рост их социокультурного уровня, успехи в области здравоохранения приводят к позитивному воспроизводству демографического процесса и снижению смертности. Однако темпы роста данного процесса пока еще существенно отстают от желаемых показателей. Одна из существенных причин этого – чрезмерно большой разрыв средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами. К сожалению, в Беларуси такой разрыв существует уже на протяжении длительного времени. Если в 1959 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин составляла 66,2 года, а у женщин – 73,5 года, то в 2013 г. значительный разрыв между этими показателями тоже оказался внушительным: у мужчин продолжительность жизни составляла 67,3 года, а у женщин – 77,9 года, т. е. разница между ними достигла 10,6 года. Одним из сильно действующих факторов, препятствующих увеличению рождаемости и снижению смертности, является возрастание заболеваемости.

Ведущее место в структуре смертности занимают новообразования и болезни системы кровообращения. По 2013 г. включительно количество зарегистрированных случаев новообразований в Беларуси возросло с 81 до 113 тыс… а болезни системы кровообращения увеличились с 212 до 247 тыс. Одновременно за тот же период снизилось количество инфекционных и паразитарных болезней с 366 до 286 тыс. случаев, т. е. в 1,3 раза; болезни нервной системы с 82 до 48 тысяч, т. е. в 1,7 раза; вирусным гепатитом с 7852 до 2804 случая, т. е. в 2,8; заболеваний сифилисом в расчете на 100 000 человек населения с 105,5 до 10,0, т. е. в 10,5 раза. За всеми этими снижающимися показателями кроется значительный успех белорусского здравоохранения, который оказывает существенное позитивное воздействие на развитие демографических процессов в стране, на улучшение качества жизни населения.

Одну из основных причин низкой рождаемости и отрицательного естественного прироста населения составляют аборты. В большинстве случаев аборты вынуждены делать женщины самой молодой возрастной когорты от 16 до 25 лет, т. е. тот социальный слой, который чаще других находится в неблагоприятном материальном положении и (нередко) в стесненных жилищных и социально-психологических условиях. Кроме того, на их динамику негативное влияние оказывает недостаточно высокое нравственное здоровье молодежи. К счастью, и в данной сфере демографического и здравоохранительного развития на протяжении последних 12–15 лет наметились позитивные сдвиги. Количество абортов в Беларуси с 2000

по 2013 г. включительно сократилось с 121,9 тыс. до 31,2 тыс. случаев, т. е. в 3,9 раз, а в расчете на 100 родов – с 128,7 до 26,5 – в 4,9 раз. Здесь, конечно же, положительно сказались и общие успехи здравоохранения, и улучшение материального положения многих семей, и существенно возросшая контрацептивная культура женщин.

В последние годы на социодинамику демографического развития Беларуси, как и многих других стран, значительное влияние оказывает миграция, т. е. перемещение населения в двух его основных видах – внутренняя миграция населения в пределах данной страны и его внешняя миграция – перемещение из одной страны в другую. Внешняя миграция в последние годы возрастает: в первом полугодии 2015 г. миграционный прирост населения составил 10 551 человек и увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. на 5181 человека, т. е. возрос вдвое. Следует иметь ввиду, что влияние миграции на развитие демографической ситуации часто неоднозначно. С одной стороны, рост подвижности населения способствует развитию экономики, социальной сферы, социокультурного взаимодействия людей. Но с другой стороны, миграция в первую очередь из сельской местности в крупные города приводит к созданию возрасто-половых несоответствий, к нарастанию диспропорций в демографическом развитии. В частности, в процессе миграции сельского населения в города люди уходят преимущественно не из трудоизбыточных мест, а из мест, испытывающих недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве. К тому же, из деревни, как правило, уезжают самые образованные, инициативные и квалифицированные люди. Поэтому назрела необходимость принимать меры социально-экономического и социо-культурного характера по закреплению на селе молодежи. Кроме того, следует принимать во внимание тот факт, что миграция людей из села в город приводит к деформации поло-возрастной структуры, которая проявляется в формировании избытка мужского населения в сельской местности и, соответственно, его недостатка в городской. Эти изменения необходимо тщательно отслеживать и учитывать в процессе разработки и осуществления демографической государственной политики.

Усиливающуюся обеспокоенность вызывает увеличивающаяся в последние годы интеллектуальная эмиграция, как из России, так (хотя и в меньшем масштабе) и из Беларуси. Анализ данных мониторинга интеллектуальной миграции из Беларуси за период 1996–2014 гг., проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, показывает, что суммарная численность иммигрантов-исследователей и преподавателей ВУЗов за этот период составила около 1000 человек. Цифры вроде бы и не очень большие, но следует учитывать, что ежегодно в среднем из Беларуси иммигрируют и остаются за границей примерно 70 научных работников и вузовских преподавателей (5–6 докторов наук, 15–27 кандидатов наук, 40 работников научно-вузовской сферы без ученой степени). В среднем доля докторов наук в ежегодной численности иммигрировавших и оставшихся за границей научно-педагогических работников за последние годы увеличилась от 3,1 до 9,8 %; доля кандидатов наук – от 26,2 до 51,5 %[82]. что, конечно же, не может не беспокоить научно-педагогическую общественность Республики.

Возрастающие потоки внешней миграции из других стран в Беларусь тоже далеко не всегда порождают оптимизм в их оценке. Социологические исследования, проведенные в 2014 г., свидетельствуют: почти треть опрошенных граждан Беларуси (30,5 %) высказывают обеспокоенность по поводу того, что в ближайшие 10–15 лет может стать вполне реальным нежелательный наплыв мигрантов из других стран, а еще 33,1 % полагают, что подобное развитие событий возможно, но маловероятно.

[82] Пушкевич С. А. Интеллектуальная миграция: социологический анализ ее мотивации и последствий для белорусской науки // Ключевые факторы и актуальные направления постиндустриального развития экономики Беларуси: материалы Междунар. науч. – практ. конф. Минск: Право и экономика, 2014. С. 284.

Анализ основных тенденций демографического развития в Беларуси показывает, что наша страна в XXI в. сталкивается с несколькими демографическими угрозами. К их числу, прежде всего, относятся: депопуляция, старение населения, низкая рождаемость при высокой смертности, нерегулируемые миграционные потоки. Такая ситуация ставит в повестку дня обеспечение демографической безопасности и эффективную защиту демографических интересов государства, общества и гражданина.

Демографические интересы государства и общества состоят в том, чтобы обеспечивать формирование такого типа воспроизводства населения, основными особенностями которого являются преодоление депопуляции, осуществление сознательно регулируемой рождаемости, направленной на полное замещение родительских поколений, устойчивое снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. В сферу демографических интересов государства и общества также входят: всемерная поддержка и укрепление семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации имеющейся потребности в детях и их качественного воспитания, а также оптимизация внутренних и внешних миграционных процессов.

С демографическими интересами государства и общества органично взаимосвязаны демографические интересы личности, которые заключаются в наличии условий, обеспечивающих здоровую и полноценную жизнь, полную реализацию существующей индивидуальной потребности в детях, свободу территориальных перемещений. Демографические интересы личности должны сочетаться с репродуктивными правами, которые предусматривают для всех супружеских пар и отдельных лиц возможность свободно принимать решения относительно количества детей и располагать для этого необходимыми желаниями, стремлениями, информацией и средствами.

На достижение сбалансированных демографических интересов и потребностей государства, общества и личности ориентирована демографическая политика, осуществляемая в Республике Беларусь и благоприятствующая развитию в стране количественных и качественных параметров воспроизводства населения.

Эта политика может быть эффективной только в том случае, если будет принято во внимание, что в ближайшей перспективе в Беларуси в общем контексте обеспечения устойчивого инновационного, благоприятного для людей социально-экономического и социокультурного развития, должен быть осуществлен переход от экстенсивного типа воспроизводства населения к интенсивному, означающему возрастание социального, физического и психического качества населения. В процессе такого перехода усиливается значимость таких характеристик, как состояние здоровья, уровень, структура и содержание образования, социокультурная развитость личности и социальной общности, продолжительность жизни людей, ее качество, продление общественно-трудовой деятельности человека. Все это приводит к формированию нового типа репродуктивных установок и репродуктивного поведения, органично связанного с повышением качественных параметров жизнедеятельности человека в обществе, в котором функционирует государство для народа, создающее новые благоприятные для населения условия и возможности социально-экономического, социокультурного и демографического развития.

Для осуществления этих целей необходимо придать всем государственным программам и мероприятиям, направленным на оптимизацию деловоспроизводства, системного и комплексного характера, охватывающего не только воспроизводственные и миграционные, но и социальные, экономические, экологические, образовательно-воспитательные, психологические и технологические аспекты жизнедеятельности людей, и реализация их в единстве и взаимообусловленности с обеспечением устойчивого социально-экономического, политического и социокультурного развития страны.

Кроме того, непременным компонентом совершенствования деятельности властных и управленческих структур всех уровней должен стать демографический мониторинг и превращение демографической экспертизы в обязательный элемент для всех крупномасштабных социально-экономических программ и проектов.

В таких условиях одним из важнейших детерминантов обеспечения устойчивого и благоприятного для человека социально-экономического и социокультурного инновационного и модернизационного развития Беларуси в первой четверти XXI столетия становится органическое взаимодействие и взаимодополнение демографических интересов государства и общества с индивидуальными демографическими интересами конкретной личности. Государство для народа, каковым является Республика Беларусь, считает своей главной целью обеспечение высокого качества жизни людей, а одним из важнейших показателей такого качества является создание благоприятных условий для здоровой, полноценной жизни человека, включающей в себя в качестве неотъемлемого компонента создание крепкой и счастливой семьи, которая свободно и осознанно принимает решение относительно желаемого количества детей и располагает для этого необходимой информацией, материальными средствами и благоприятными нравственно-психологическими условиями. Создаваемая в такой ситуации сбалансированность демографических интересов, стремлений и потребностей государства, общества и личности позволит осуществить переход от экстенсивного типа воспроизводства населения к интенсивному, означающему возрастание физического, психического и социального качества самого важного достояния страны – человека, его духовно-нравственное, социальное и гражданственное возвышение. Это существенно расширит возможности реализации основной миссии демографической системы – в наиболее полной мере выполнять функцию человекорождения и социокультурного, духовно-нравственного человековозвышения.

Глава 6. Человекотворческий потенциал системы образования

В современном обществе трудно найти человека, который бы не признавал высокой значимости образования в обучении и формировании личности, в ее духовно-нравственном и культурном развитии, в становлении ее гражданственности. В общественном сознании прочно утвердилось убеждение в том, что образование выполняет ведущую роль не только в личностном, но и в экономическом, социокультурном и общественно-политическом развитии. Этим как раз и объясняется заинтересованность всех социальных групп и слоев общества в развитии образования. Этим же в решающей степени предопределяется никогда и нигде не иссякающий интерес не только родителей, отправляющих своих детей в школу, но и всех других групп населения, к тому в полной ли степени существующая система образования формирует становящуюся личность, а не только наполняет ее знаниями. Поэтому ориентированность образования на обучение и воспитание человека, иначе говоря, человекомерность этого специфического способа действия и одновременно социального института приобретает важнейшее значение.

В связи с этим можно вполне согласиться с суждением широко известного российского специалиста в области педагогики А. М. Арсеньева, который утверждает: «К каждому ребенку следует применять его собственно мерило, побуждать каждого к его собственной обязанности и награждать его собственной заслуженной похвалой». Именно в таком индивидуализированном, ориентированном не только на овладение знаниями, но и – прежде всего – на формирование и духовно-культурное возвышение личности ученика (студента) и раскрывается сущность и значимость человекосоразмерности образовательно-воспитательного процесса в каждом звене и на каждом уровне развития системы образования.

В условиях становления и развития информационного общества резко возрастает роль информации и знаний во всех сферах жизнедеятельности человека – в производстве, потреблении, культуре, здравоохранении, досуге, управлении и т. п., а это вызывает необходимость включения проблематики образования в функционирование всех социальных институтов и структур социума, при одновременном возрастании роли человекоориентированности образовательно-воспитательной системы. А основные параметры человекоориентированности ее творческой деятельности выстраиваются в сложную и динамично развивающуюся систему и сводятся они в сжатом сконцентрированном виде к взаимодействию процессов, нескольких формирующих личность обучаемого.

Первый из них направлен на формирование у обучаемых *знаний об окружающей действительности* посредством передачи им накопленных и развиваемых человечеством достоверных суждений об окружающем мире, о месте и роли человека в познании и изменении этого мира, формировании и развитии интеллектуального информационного потенциала личности учащегося.

Второй процесс человекоориентированности образования в соответствии с вызовами и запросами информационного общества заключается в становлении *личностного сознания* каждого обучаемого, развертывающегося в синхронном и диахронном аспектах взаимодействия внешних и внутренних условий развития сознания и самосознания личности, формирования ее *личностной культуры* и жизненной стратегии. Возрастающая значимость данного процесса в становящемся информационном обществе хорошо раскрыта известным американским психологом и педагогом Джеромом Брунером, который утверждает: «образование – это не изолированный остров, а часть культурного континента», поэтому «невозможно исследовать умственную деятельность человека вне ее культурного пространства»,

«вне способов представления реальности, присущих данной культуре»[83]. А это означает необходимость внимательного отслеживания учебно-воспитательным персоналом (разумеется, с учетом особенностей функционирования образования в белорусской национальной социокультурной среде) этапов цивилизационно-культурных изменений, происходящих в сознании и поведении учащихся по мере их продвижения от одного класса к следующему, либо от одного курса к другому в колледже или вузе.

Третий процесс возрастания человековозвышающей значимости системы образования в условиях ее модернизации в информационном обществе воплощается в качественно-количественных преобразованиях *личностного и группового (коллективного) сознания* обучаемых применительно к различным по возрасту условиям и уровням их обучения и воспитания (школьники, студенты, постдипломное образование, повышение квалификации, переквалификация и т. п.).

Четвертый процесс упрочения челоекоориентированности совершенствования образования в условиях информационного общества включает в себя более эффективное осуществление с учетом особенностей данного общества целенаправленной *социализации личности и группы обучаемых,* воплощающейся в более интенсивных изменениях характера и направленности социальной мобильности и связанных с нею социально-структурных трансформациях, в дифференциациях и деконструкциях социальных статусов и ролей представителей различных поколений. Вектор происходящих социализационных и социально-структурных преобразований все более отчетливо смещается в сторону включенности выпускников школ, колледжей и вузов в деятельность в сфере нано– и биотехнологий, высокотехнологичных и информационно насыщенных пятого и шестого технологических укладов производственной и иных сфер практической профессиональной деятельности. Все эти трансформации происходят в едином русле с изменениями численности и границ территориально-поселенческих структур, социокультурного, экономического и социально-политического развития народа и страны.

Пятый процесс осуществления человекомерности обновленческой стратегии развития образования в условиях развивающегося информационного общества проявляется как многомерное преломление в содержании и формах образовательно-воспитательного процесса *отложенного во времени действия критериев эффективности* обучения и воспитания учащихся и студентов. Данная особенность обусловлена тем, что уровень эффективности подготовки выпускников образовательных учреждений проявляется отчетливо не столько в получаемых ими оценках, сколько в продуктивности их трудовой деятельности в различных областях самостоятельной профессиональной производственной, социально-культурной и иной деятельности. Во всем многообразии образовательной и воспитательной работы необходимо руководствоваться убеждением, что школа – это социальный организм, готовящий наше будущее.

Шестой процесс человекомерности назревших преображений системы образования и воспитания школьников и студентов в условиях информационного общества заключается в возрастании значимости в настоящее время в конструировании мировоззренческого индивидуального мира обучающегося образно насыщенного повествования, или нарратива[84] (осуществляемого преподавателем, книгой, кинофильмом, участником событий и т. п.), в котором воплощается визуально представленная единая картина, объединяющая разрозненные события в единый смыслонасыщенный поток образовательно-воспитательных трансформаций. Такого рода повествования чаще всего проявляются в истории, философии, худо-

[83] Брунер Дж. Культура образования. М., 2006. С. 2, 11, 13.

[84] Нарратив (от лат. *narrare* – вербальное изложение определенного потока событий в ходе коммуникативного взаимодействия одного или нескольких участников диалога; понятие, введенное философией постмодернизма и фиксирующее процессуальность взаимосвязанных поступков и действий).

жественной литературе, музыке, кинематографе. Они позволяют слушателю, читателю, зрителю воочию представить самобытность каждого исторического события, его процессуальность и глубинный объективный смысл. Преподаватель, докладчик на семинаре или участник студенческой дискуссии выступает в качестве конструктора определенного нарратива, представляющего изображаемые в его повествовании события в их процессуальности, целостности, образности и смысловой значимости. Важность данного аспекта учебно-воспитательной деятельности предопределяется тем, что используются образы, позволяющие ярче представить действия живых людей, решающих те или иные задачи. Эти образы дают возможность схватывать не только индивидуальные особенности таких действий, но и приводить к возникновению обобщенных представлений, создающих основу для формирования прочно усваиваемых понятий, отражающих существенные признаки целых классов явлений и событий.

Седьмой процесс усиливающейся человекоориентированности образовательной системы в условиях стремительного развития содержания и форм выражения в средствах информации, неразрывно связанный с предыдущим, воплощается в существенном изменении роли преподавателя как наставника, воспитателя, организатора, дирижера и заботливого, но строгого оценивателя *интеллектуальных, духовно-нравственных, креативных и гражданственных* качеств своих воспитанников. Каждый преподаватель призван обучать школьников и студентов тому, как и чему учиться, и тому, как думать и решать все новые и новые, часто неожиданные и непредвиденные задачи. Кроме того, у обучающихся желательно формировать готовность в решении нестандартных, творческих задач выходить за рамки познанного и разрушать шаблоны. А для этого следует учитывать, что современные ученики и студенты часто знают о новейших информационных технологиях больше, чем многие взрослые. Поэтому педагогический и гражданский долг преподавателя – активно овладевать интерактивными технологиями и методами обучения, обеспечивать своих учеников новейшими мультимедийными инструментами, активно включать в учебно-образовательные действия мультимедийные обучающие игры. Преимущество интерактивного обучения над его традиционными методами заключается в том, что в процессе его применения осуществляется активное взаимодействие преподавателя и обучающихся, причем не отдельных из них, а всех учеников класса, либо студентов группы, активизируется их участие в решении нестандартных задач.

Восьмой процесс, не только способствующий, но в гораздо большей степени затрудняющий успешную адаптацию системы образования к вызовам и запросам XXI века, отчетливо проявившийся в условиях становления и развития информационного общества, воплощается в возрастающей вариативности изменяющегося спроса выпускников учебных заведений на стремительно *изменяющихся рынках труда,* когда возникает значительное несоответствие между образовательными намерениями обучающихся и динамикой направлений спроса на специалистов той или иной профессии в сферах материального и духовного производства, здравоохранения и социальной работы. Иерархия запросов работодателей, зафиксированная социологическими исследованиями, на первое место выдвигает программистов и рабочий персонал – строителей, маляров, плотников, слесарей, медсестер и т. п., а на рынке труда в качестве соискателей рабочих мест чаще всего оказываются вузовские выпускники юридических и экономических специальностей. Поэтому в процессе совершенствования учебно-воспитательной деятельности в системе образования и усиления ее практической ориентированности необходимо сближать пока еще расходящиеся запросы работодателей и предпочтения будущих выпускников школ и вузов. Поэтому желательно разработать механизмы включения работодателей в выработку образовательной политики и стандартов качества профессионального образования, что позволит более полно в процессе

обучения учитывать быстроменяющиеся потребности динамично развивающегося рынка труда.

Наконец, *девятый* процесс усиления человекотворческих изменений системы образования в современном информационном обществе заключается во взаимосвязи и взаимообусловленности адаптивной и проективной составляющих формирования и практического применения информационных ресурсов учащихся и студентов. Адаптивный аспект когнитивного и практически-прикладного применения таких ресурсов предполагает ориентированность обучаемых на приспособление к усвоению новой и непрестанно обновляющейся информации. А проективный аспект данного процесса нацеливает их на выработку у обучаемых в разных звеньях образования умения и навыков предусматривать возможность практического применения усвоенной информации в различных сферах жизнедеятельности, прежде всего, в профессиональной работе. Адаптивно-проективная направленность формирования у школьников и студентов информационных ресурсов теснейшим образом связана с интегрирующей и дифференцирующей функциями образовательно-воспитательного процесса. Если интегрирующая функция реализуется в процессе совместного приобщения подрастающего поколения к непрестанно обновляющейся и воспроизводимой в образовательном процессе системе знаний, то дифференцирующая функция своеобразным способом распределяет их по различным направлениями последующего выбора жизненного пути – естественные, гуманитарные, технические науки, здравоохранение, искусство и т. д., а в последующем – и по разнообразным ячейкам социально-профессиональной структуры общества (рис. 6.1).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.